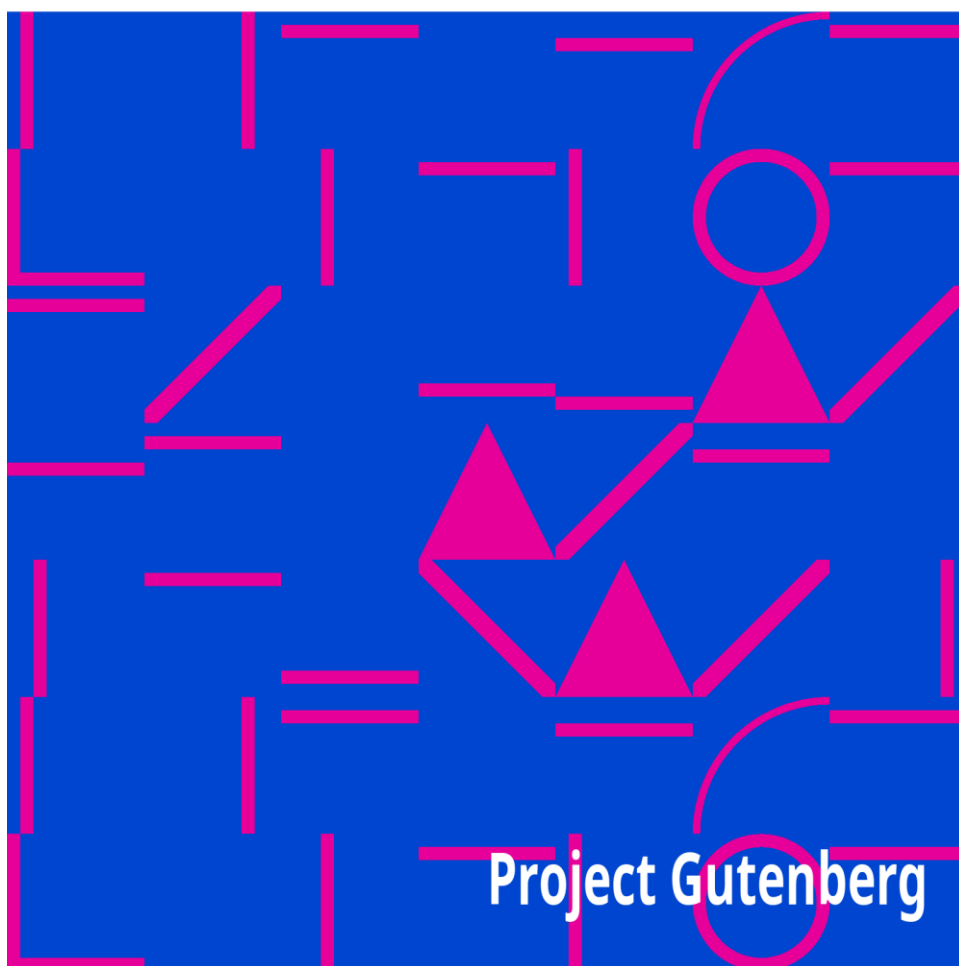

Дуэль между Францией и Германией

Чарльз Самнер

The Duel Between France and Germany

Charles Sumner

Электронная книга проекта "Гутенберг" о дуэли между Францией и Германией

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Поединок между Францией и Германией

Автор: Чарльз Самнер

Дата выхода: 1 августа 2004 г. [Электронная книга № 6303]

Последнее обновление: 29 декабря 2020 г.

Язык: Английский

Авторы: Ральф Циммерман, Дэвид Старнер, Чарльз Фрэнкс и команда онлайн-корректоров

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ДУЭЛЬ МЕЖДУ ФРАНЦИЕЙ И ГЕРМАНИЕЙ" ***

Ральф Циммерман, Дэвид Старнер, Чарльз Фрэнкс и онлайн-распространение

Команда корректоров.

ДУЭЛЬ МЕЖДУ ФРАНЦИЕЙ И ГЕРМАНИЕЙ

ПЕРЕПЕЧАТАНО ИЗ "ОБРАЩЕНИЙ О ВОЙНЕ"

ЧАРЛЬЗ САМНЕР

ДУЭЛЬ МЕЖДУ ФРАНЦИЕЙ И ГЕРМАНИЕЙ С ЕЕ УРОКОМ
ЦИВИЛИЗАЦИИ.

ЛЕКЦИЯ В МЮЗИК-ХОЛЛЕ, БОСТОН, 26 октября 1870 года.

"Когда короли воюют,
никакой закон двух государей не может решить,
кроме закона оружия, где судьей является фортуна,
солдаты - юристы, а адвокатура - поле боя".

ДЕЙДЕН, *Торжествующая любовь*, Акт I. Sc. 1.

ЛЕКЦИЯ.

ГОСПОДИН ПРЕЗИДЕНТ, я должен говорить о Дуэли между Францией и Германией с ее уроком цивилизации. Называя ужасную войну, которая сейчас ведется, Дуэлью, я мог бы

довольствоваться классическим авторитетом, поскольку *Duellum* - хорошо известное латинское слово, обозначающее войну. Историк Ливий заставляет римлянина заявить, что дела должны быть улажены "чистым и благочестивым поединком"; [Сноска: "Чистая дуэль". — *Historie*, Lib. I. cap. 32.] у драматурга Плавта в одной из его пьес есть персонаж, который приобретает огромные богатства "дуэльным искусством", [Примечание: "Arte duellica".— *Эпидикус*, Акт III. Sc. iv. 14.] что означает военное искусство; а Гораций, изысканный мастер языка, приветствует эпоху Августа с закрытым храмом Януса и "свободным от дуэлей", [Примечание: "Vasium duellis". — *Кармина*, Lib, IV. xv. 8.] то есть в покое, — ибо только тогда был закрыт этот знаменитый храм.

ВОЙНА ПО ЗАКОНАМ НАЦИЙ - это ДУЭЛЬ.

Но для этого обозначения не требуется никаких классических авторитетов. Война, ведущаяся в соответствии с Международным правом между двумя организованными нациями, во всех отношениях является дуэлью в точном значении этого слова, отличающейся от дуэли между двумя индивидуумами только количеством сражающихся. Разница лишь в пропорции, поскольку каждая нация является индивидуумом, который обращается к мечу в качестве Арбитра; и в каждом случае бой подчиняется правилам, составляющим кодекс, которым связаны обе стороны. За долгие годы до того, как восторжествовала цивилизация, кодекс, регулирующий дуэль между отдельными людьми, был таким же фиксированным и детализированным, как и тот, который регулирует более масштабную дуэль между нациями, а сама дуэль была просто способом решения вопросов между отдельными людьми. Приводя это сравнение, я подвергаю себя критике только со стороны тех, кто не рассматривал этот интересный предмет в свете истории и разума. Параллель полная. Современная война - это дуэль Темных веков, преувеличенная, усиленная, растянутая так, что охватывает целые нации; и это не меньшая дуэль, чем оттого, что бой ускоряется и поддерживается энергией самозащиты, или оттого, что, когда чемпион падает и лежит на земле, с ним жестоко обращаются. Достоверный пример иллюстрирует подобную дуэль; и я представляю перед вами образец рыцарства, шевалье Байяра, "рыцаря без страха и упрека", который после боя на избранном поле преуспел в том, что вогнал свое оружие на четыре пальца глубоко в горло своего противника, а затем, катаясь вместе с ним, задыхаясь и отбиваясь, по земле, вонзил свой кинжал в ноздри поверженной жертвы, воскликнув: "Сдавайся, или ты покойник!" — речь, которая казалась излишней, ибо второй закричал: "Он уже мертв; ты победил". Тогда Баярд, ярчайший из Сынов Войны, утащил своего мертвого врага с поля боя, крича: "Достаточно ли я сделал?" [Footnote: La tresjoyeuse, plaisante et recreative Hystoire, composee par le Loyal Serviteur, des Faiz, Gestes, Triumphes et Prouesses du Bon Chevalier sans Paour et sans Reprouche, le Gentil Seigneur de Bayart: Petitot, Collection des Memoires relatifs a l'Histoire de France, Tom. XV. pp. 241, 242.] Теперь, из-за того, что храбрый рыцарь счел нужным сделать это, первоначальный характер боя не был изменен. Это была дуэль в начале и в конце. Действительно, жестокость, с которой она завершилась, была естественным эпизодом дуэли. Однажды начавшееся сражение открывает путь к насилию, и победитель слишком часто сдается Злому Духу, как Баярд в своем недостойном варварстве.

Сравнивая войну между нациями с дуэлью, я руководствуюсь не только разумом, но и авторитетом. За долгую историю английской коллегии адвокатов нельзя назвать лучшего юриста, чем Джон Селден, с ученостью которого мог сравниться только его большой интеллект. В тех беседах, которые под названием "Застольных бесед" все еще продолжают поучать,

мудрый советник, сказав, что Церковь издревле разрешала дуэли и что в публичных литургиях были молитвы, предназначенные для произнесения дуэлянтами, настойчиво вопрошает: "Но законно ли это?" И затем он отвечает: "Если вы признаете какую-либо войну законной, я не сомневаюсь, что смогу убедить ее". [Сноска: Застольная беседа, изд. Сингер, Лондон, 1856, стр. 47, — *Дуэль*.] Селден считал, что простая дуэль и большая война подчиняются одному и тому же правилу. Конечно, применение силы при подавлении мятежа или поддержании законов основано на ином принципе, поскольку по своей природе является полицейским разбирательством, которое нельзя путать с дуэлью. Но моя цель не в том, чтобы подвергать сомнению законность войны; я бы просто представил образ, позволяющий вам увидеть существующую войну в ее истинном виде.

Дуэль в ее простейшей форме проводится между двумя людьми. В ранние века она была известна иногда как Судебный поединок, а иногда как Испытание боем. Не только вопросы чести, но и земельные титулы, серьезные вопросы права и даже тонкости теологии были переданы на рассмотрение этого арбитража [Примечание: Робертсон, История правления Карла V. Взгляд на прогресс общества в Европе, раздел I. Примечание XXII.] — точно так же, как сейчас родственные проблемы между нациями передаются на рассмотрение Суда в битве; и ранние правила, регулирующие дуэль, воспроизведены в Законах войны, установленных нациями для управления великим судом в битве. Поднимаясь от индивидуума к корпорациям, гильдиям, деревням, городам, графствам, провинциям, мы обнаруживаем, что в течение длительного периода каждая из этих организаций осуществляла то, что называлось "Правом войны". История Франции и Германии показывает, как неохотно этот способ судебного разбирательства уступал формам разума и порядка. Франция раньше, чем Германия, установила "Суд по доказательствам" и исключила дуэль из судопроизводства, за этим важным шагом последовало постепенное объединение враждующих провинций в могущественное единство Нации, так что Бретань и Нормандия, Франш-Конте и Бургундия, Прованс и Дофини, Гасконь и Лангедок вместе с остальными стали Соединенными Штатами Франции или, если вам угодно, Францией. В Германии перемены происходили медленнее, и здесь дуэль демонстрирует свои наиболее любопытные примеры. Не только феодальные вожди, но и объединения торговцев и слуг бросали вызов друг другу, а иногда и целым городам, под тривиальными предложениями вроде тех, которые были поводом для неповиновения от нации к нации. До нас все еще остаются сообщения об объявлениях войны лордом Фрауэнштайна вольному городу Франкфурту из-за того, что молодая дама из города отказалась танцевать с его дядей, булочником и слугами маркграфа Баденского — Эсслингену, Ройтлингену и другим городам империи, булочником графа палатина Людовика — городам Аугсбургу, Ульму и Ротвайлю, чистильщиками обуви Лейпцигского университета - ректору и другим членам парламента, а также поваром из Эппштейна с его помощниками. поварята, молочницы и посудомойки против Отто, графа Сольмского. [Сноска: Кокс, "История австрийского дома". (Лондон, 1820), Ч. XIX, Т. I., стр. 378.] Такое распространение дуэлей возбудило императора Максимилиана, который на Вормсском сейме издал указ, отменяющий право или свободу частной войны и учреждающий Верховный трибунал для разрешения споров без апелляции на дуэль, и весь длинный список дуэлянтов, как корпоративных, так и индивидуальных, включая дворян, пекарей, чистильщиков обуви и поваров, попал под его мирное правление. К несчастью, благотворная реформа остановилась на полпути, и здесь Германии повезло меньше, чем Франции. Великие провинции остались наслаждаться варварской независимостью, имея "право" воевать друг с другом. Дуэль продолжалась до тех пор, пока, наконец, в 1815 году Актом о создании Союза Конфедерации

или Соединенных Штатов Германии каждый суверен не отказался от права войны со своими союзниками, подав пример более крупным нациям. Условия этого важного соглашения, знаменующего собой этап в объединении Германии, были следующими:—

"Члены Конфедерации далее обязуются ни под каким предлогом не вести войну друг с другом или преследовать свои разногласия силой оружия, но подчинять их Сейму". [Footnote: Acte pour la Constitution federative de l'Allemagne du 8 Juin 1815, Art. 11: Archives Diplomatiques, (Stuttgart et Tubingen, 1821-36,) Vol. IV. p. 15.]

Нельзя было найти лучших слов для Соединенных Штатов Европы, вступающих в ту Великую Эпоху, когда Дуэль перестанет быть признанным Арбитром наций.

Из этого изложения, которое, я надеюсь, не будет слишком длинным, легко увидеть, насколько война между двумя нациями является дуэлью, и, более того, насколько важно для того гарантированного мира, которого требует цивилизация, чтобы дуэль, которая больше не допускается в качестве арбитра между отдельными людьми, между городами, между графствами, между провинциями, перестала допускаться как таковая между нациями. Возьмем, к примеру, нашу собственную страну. В споре между городами местный закон предусматривает судебный трибунал; то же самое происходит и в споре между округами. Поднимаясь еще выше, предположим противоречие между двумя штатами нашего Союза; национальная конституция учреждает судебный трибунал, которым является Верховный суд Соединенных Штатов. Но на следующем этапе происходит изменение. Пусть возникнет спор между двумя нациями, и Высший Закон, который является Законом наций, устанавливает в качестве арбитра не судебный трибунал, а дуэль. То, что верно для нашей страны, верно и для других стран, где цивилизация имеет опору, и особенно для Франции и Германии. Дуэль, хотя и отменена как арбитр дома, продолжает действовать в качестве арбитра за границей. И поскольку это признано Международным правом и подчинено кодексу, это во всех отношениях Институт. Война - это институт, санкционированный Международным правом, подобно тому как рабство, где бы оно ни существовало, является институтом, санкционированным муниципальным правом. Но этот институт - не что иное, как дуэль Темных веков, продолжающаяся до нынешнего поколения и проявляющаяся в зловещем варварстве.

К ЧЕМУ СЕЙЧАС ЭТА ПАРАЛЛЕЛЬ?

Поэтому я прав, когда называю нынешнее сражение между Францией и Германией дуэлью. Я прошу вас поверить, что я делаю это не с праздной целью иллюстрации или критики, а потому, что я хотел бы подготовить почву для надлежащего понимания средства правовой защиты, которое должно быть применено. Как можно урегулировать это ужасное противоречие? Я не вижу никакого практического метода, который мог бы примирить чувства Франции с гарантиями, причитающимися Германии, за исключением радикального изменения самой Военной системы. Та Безопасность на будущее, на которую Германия может справедливо рассчитывать, не может быть достигнута никаким способом лучше, чем разоружением Франции, за которым, естественно, последует разоружение других наций и замена существующего судебного разбирательства боем каким-либо мирным трибуналом. Любое расчленение или урезание территории будет плохим и неадекватным, поскольку оно оставит после себя постоянное жало. Необходимо сделать что-то лучшее.

ВНЕЗАПНОСТЬ ЭТОЙ ВОЙНЫ.

Никогда в истории столь великое бедствие не обрушивалось так внезапно на Человечество, если не считать землетрясения, разрушающего города и затопляющего целое побережье за одну ночь. Но как ничтожно все, что последовало в результате любого такого потрясения, по сравнению с опустошением и разрушениями, уже произведенными этой войной! От первого шороха до вспышки прошел краткий миг, как между вспышкой молнии и раскатом грома.

В начале июля установился мир без малейших подозрений на нарушение. Законодательный орган только что обсудил предложение о сокращении ежегодного контингента армии. В Берлине парламент не заседал. Граф Бисмарк находился в своем загородном доме в Померании, король развлекался в Эмсе. Насколько внезапной покажется эта перемена из показательного обстоятельства. Господин Прево-Парадолль, обладатель редкого таланта и несчастливой судьбы, недавно назначенный посланником в Соединенных Штатах, сел на корабль в Гавре 1 июля и прибыл в Вашингтон утром 14 июля. Он заверил меня, что, когда он покидал Францию, о войне не было ни разговоров, ни мыслей. Во время его короткого летнего путешествия началось и достигло кульминации целое поразительное событие. Принцу Леопольду Гогенцоллерн-Зигмарингенскому было предложено стать кандидатом на трон Испании, и Франция немедленно послала свой вызов Пруссии, за которым через несколько дней последовало официальное объявление войны. Министр был подавлен тяжелой вестью, обрушившейся на него столь неподготовленно, и искал облегчения в самоуничтожении, став первой жертвой войны. Все двигалось с быстротой, позаимствованной у новых сил, созданных человеческими изобретениями, и Ворота Войны широко распахнулись.

ВЫЗОВ ПРУССИИ.

Несколько инцидентов демонстрируют это движение. 30 июня, обсуждая предлагаемое сокращение армии, премьер-министр Эмиль Оливье открыто заявил: "Правительство не испытывает ни малейшего беспокойства; ни в одну эпоху поддержание мира не было более надежным; с какой стороны ни посмотри, вы не увидите ни одного обсуждаемого раздражающего вопроса". [Footnote: Journal Officiel du Soir, 3 Juillet 1870.] В ходе тех же дебатов Гамье-Пажес, последовательный республиканец, а ныне член Временного правительства, после вопроса "Зачем это вооружение?" воскликнул: "Разоружайтесь, не дожидаясь других: это практично. Пусть люди будут освобождены от налогов, которые их раздавливают, и от самого тяжелого из всех - налога крови". [Сноска: Официальный журнал "Суар", 2 июля 1870 г.]

Кандидатура принца Леопольда, по-видимому, стала известна в Париже 5 июля. На следующий день герцог де Грамон, происходящий из семьи, известной скандальной историей, министр иностранных дел, спешит к трибуне с вызовом на устах. Заявив Кабинету министров, что ни одна иностранная держава не потерпит, чтобы, посадив одного из своих принцев на трон Карла Пятого, она нарушила баланс сил в Европе и поставила под угрозу интересы и честь Франции, он в заключение произнес зловещие слова: "Опираясь на вашу поддержку, джентльмены, и на поддержку нации, мы будем знать, как выполнить наш долг без колебаний и слабости". [Сноска: там же, 8 июля.]

За этим вызовом последовало то, что в отчете называется "общим и продолжительным движением, — повторные аплодисменты"; и вот наступил первый этап дуэли. Его характер был сразу же распознан в Зале. Гамье-Паж воскликнул словами, достойными памяти: "Именно

династические вопросы беспокоят мир в Европе. У людей есть только одна причина любить друг друга и помогать друг другу". [Сноска: там же.] Пусть и короткая, но лучше многих длинных речей. Кремье, член Временного правительства 1848 года, настаивал на том, что высказывание министра было "угрозой войны"; а Эммануэль Араго, сын великого республиканского астронома и математика, сказал, что министр "объявил войну". [Сноска: там же.]

Эти патриотически настроенные представители не ошиблись. Речь сделала мир трудным, если не невозможным. Это был вызов Пруссии.

Юмор.

Европа с тревогой наблюдала, как перчатка была столь грубо брошена, в то время как по эту сторону Атлантики, где Франция и Германия объединяются в наслаждении нашим равным гражданством, интерес был очень велик. Утром и вечером телеграф делал всех нас участниками надежд и страхов, будоражащих мир. Слишком скоро стало очевидно, что потребности Франции не будут удовлетворены, в то время как ее приготовления к войне уже были неприкрытыми. На всех военно-морских базах, от Тулона до Шербурга, царила наибольшая активность. Маршал Мак-Магон был отозван из Алжира, и были подготовлены транспорты для возвращения войск из этой колонии.

Между тем кандидатура принца Леопольда была им отвергнута. Но этого было недостаточно. Короля Пруссии попросили пообещать, что оно ни в коем случае никогда не будет возобновлено, на что он отказался, оставив за собой право консультироваться с обстоятельствами. Это требование было тем более оскорбительным, что оно было адресовано исключительно Пруссии, в то время как Испании, главной фигуре в этом деле, ничего не было сказано. Затем последовал инцидент, достойный комедии, если бы он не стал объявленной причиной трагедии. Французский посол граф Бенедетти, который, узнав о кандидатуре, последовал за королем в Эмс, его любимое место отдыха, и там в ходе последовательных бесед настаивал на ее отзыве, теперь, после ее добровольного отказа, продолжает настаивать на новом требовании, и после продолжительной беседы, несмотря на решительный отказ, добивается, тем не менее, другой аудиенции по этому вопросу в тот же день, его Величество с безупречной вежливостью передал ему через присутствующего адъютанта, что у него нет другого ответа, кроме того, который уже был дан; и этот отказ принять посла был немедленно доведен до сведения по телеграфу, специально для сведения различных германских правительств. [Примечание: Бисмарк Бернсторффу, 19 июля 1870 г., со вложениями: Парламентские документы, 1870, том. LXX.,—Франко-прусская война, № 3, стр. 5-8. Послание Герольду Фишу, 11 августа 1870 г., с вложениями: Исполнительные документы 41-й конг. 3—я сессия, H. of R., том I. № 1, часть 1, -Международные отношения, стр. 219-221. Читатель заметит, что копия Телеграммы в этом последнем томе находится в статье на стр. 221 с ошибочным заголовком "*Граф Бисмарк барону Герольту*".]

ПРЕДЛОГ ТЕЛЕГРАММЫ.

Эти простые факты, недостаточные для малейшей ссоры, невыносимые из-за мелочности раскрываемого вопроса и чудовищные как причина войны между двумя цивилизованными нациями, стали желанным предложением. Быстро и с плохо скрываемой готовностью французский кабинет сделал следующий шаг в этой дуэли. 15 июля премьер-министр зачитал с трибуны манифест, в котором излагались горести Франции, заключающиеся, во—первых, в отказе

прусского короля дать обещания на будущее, и, во-вторых, в его отказе принять французского посла с сообщением об этом отказе, как утверждалось, "официально кабинетам министров Европы", что было ошибочным утверждением: [Примечание: Бисмарк Бернсторффу, 18 июля, и Герольту, 19 июля 1870 г.: Парламентские документы и исполнительные документы, вложения, *выше*.] и в заключение газета объявляет, что со вчерашнего дня правительство призвало резервы и что они немедленно примут меры, необходимые для обеспечения интересов, безопасности и чести Франции. [Footnote: Journal Officiel du Soir, 17 Juillet 1870.] Это была война.

Некоторые были свидетелями страшного бедствия, чудовищного преступления, начавшегося тогда и там. Сцена, которая последовала за этим, принадлежит к этой болезненной хронике. За газетой, объявляющей войну, последовали продолжительные аплодисменты. Вскоре после этого премьер-министр добавил в ходе дебатов, что он принял на себя ответственность с "легким сердцем". [Footnote: "De ce jour commence pour les ministres mes collegues, et pour moi, une grande responsabilite. ["Oui!" *gauche*.] Мы все согласны, сердце мое".] Не все были в таком настроении. Республиканец Эскирос воскликнул со своего места знаменательные слова: "У вас легкое сердце, и кровь народов вот-вот прольется!" На извинения премьер-министра, "что при исполнении долга сердце не тревожится", Жюль Фавр, лидер республиканцев, признанный умеренным и способным человеком, выпалил: "Когда выполнение этого долга влечет за собой истребление двух народов, сердце вполне может быть обеспокоено!" За этими заявлениями, выражавшими естественные чувства человечества, стояло положительное возражение, наиболее убедительно представленное Тьером, столь известным в Палате представителей и в литературе, "что Франции было оказано должное удовлетворение, что Пруссия исправила допущенную ею серьезную ошибку", что Франция одержала победу по существу, и все, что осталось, — это "вопрос формы", "вопрос восприимчивости", "вопросы этикета". Опытный государственный деятель потребовал депеши. Затем последовало признание. Премьер-министр ответил, что ему "нечего сообщать, — что, в истинном смысле этого слова, депеш не было, — что были только устные сообщения, собранные в отчетах, которые, согласно дипломатическому обычаю, не передаются". Тут его перебил Эммануэль Араго: "Именно на основе этих репортажей вы ведете войну!" Премьер-министр приступил к чтению двух коротких телеграмм от графа Бенедетти из Эмса, когда Де Шуазель совершенно справедливо воскликнул: "Мы не можем вести войну на этой почве, это невозможно!" Другие закричали со своих мест: Гарнье Пейджес сказал: "Это фразы"; Эммануэль Араго запротестовал: "В этом цивилизованный мир признает вас неправым"; на что Жюль Фавр добавил: "К сожалению, это правда!" Тьер и Жюль Фавр с энергичным красноречием обвинили в войне Кабинет министров: Тьер заявил: "Я с сожалением вынужден заявить, что мы ведем войну по вине Кабинета министров"; Жюль Фавр заявил: "Если у нас война, то это благодаря политике Кабинета министров; ... из сделанного представления следует, что, поскольку затронуты общие интересы двух стран, нет явного мотива для войны". Жиро воскликнул в том же духе: "Мы были бы одними из первых, кто вступил бы в войну за страну, но мы не хотим вступать в династическую и агрессивную войну". Герцог де Грамон, который 6 июля бросил вызов, еще раз выступил от имени Кабинета министров, торжественно заявив то, что не было фактом, а именно, что прусское правительство уведомило все кабинеты министров Европы об отказе принять французского посла, а затем по поводу этого ошибочного заявления воскликнул: "Это оскорбление императора и Франции; и если бы в силу невозможности в моей стране нашлась палата, способная это вынести, я бы и пяти минут не оставался министром иностранных дел". В нашей стране мы видели, как воспламенилось

сердце Юга; так же воспламенилось сердце Франко. Герцог спустился с трибуны под продолжительные аплодисменты, с криками "Браво!" — и на своем месте (так говорится в отчете) "получил многочисленные поздравления". Такова была атмосфера в Зале в этот знаменательный момент. Ораторы Оппозиции, умолявшие об отсрочке в интересах мира, были подавлены; и когда Гамбетта, молодой и бесстрашный республиканец, потребовал текста депеши, в которой сообщалось об отказе принять посла, с тем чтобы Палата представителей, Франция и вся Европа могли судить о его характере, премьер-министр ответил ему колкостью, что "впервые во Французском собрании у определенной стороны возникли такие трудности при разъяснении *вопроса чести*". Так обстояли дела в изложении премьер-министра, и в этом вопросе чести он принял войну "с легким сердцем". Лучше сказать, совсем без сердца; ибо тот, кто мог найти в таком положении вещей достаточную причину для войны, был бессердечен. [Примечание: Полный текст дебатов см. в *Официальном журнале Суар*, 17 июля 1870 г., и Приложении.]

В течение этих коротких тревожных дней, с 6 по 15 июля, Англия предпринимала тщетные усилия для установления мира. Лорд Лайонс был неустойчив; и дома его поддержал лорд Гранвилл, который в качестве последнего средства напомнил обеим сторонам об условиях Парижского конгресса, которые они приняли, в пользу арбитража как замены войны, и попросил их принять добрые услуги какой-нибудь дружественной державы. [Примечание: Граф Грэнвилл лордам Лайонсу и Лофтусу, 15 июля 1870 г., — Переписка, касающаяся переговоров, предшествующих войне между Францией и Пруссией, стр. 35: Парламентские документы, 1870, том. LXX.] Это наиболее разумное предложение было отвергнуто французским министром, который придал новый смысл французскому делу, обвинив Пруссию в том, что она "предпочла заявить, что Франция была оскорблена в лице своего посла", а затем решительно настаивая на том, что "именно это хвастовство было *gravamen* преступления". Завершая кульминацию варварского абсурда, французский министр без колебаний объявил, что это "представляет собой оскорбление, с которым не может смириться ни одна нация любого духа, и делает невозможным, к большому сожалению французского правительства, принятие во внимание способа урегулирования первоначального спорного вопроса, который был рекомендован правительством ее Величества". [Примечание: Лорд Лайонс графу Грэнвиллу, 15 июля 1870 г., — Переписка, касающаяся переговоров, предшествующих войне между Францией и Пруссией, стр. 39, 40: Парламентские документы, 1870, том. LXX.] Таким образом, мирное урегулирование было отвергнуто. Вся честь английскому правительству за его предложение!

Знаменитая телеграмма, выдвинутая Францией в качестве *gravamen*, или главного преступления, не была доведена до сведения Палаты. Премьер-министр, несмотря на сильное давление, сдержался. Было ли это из-за убежденности в его слишком тривиальном характере? Но это не потеряно для истории дуэли. В этой телеграмме с некоторой краткостью, свойственной телеграфным отправлением, просто сообщается об отказе встретиться с французским послом, без единого оскорбительного слова или хвастовства. В нем сообщается об этом факте, и ни о чем другом; и понятно, что отказ был получен только тогда, когда этот чиновник явился во второй раз за один день по тому же делу. Учитывая затронутые интересы, было бы лучше, если бы король виделся с ним столько раз, сколько ему заблагорассудится; и все же отказ не был противоестественным. Безупречная вежливость его Величества в этом случае не давала повода для жалоб. Все, что оставалось в качестве предлога, — это телеграмма. [Сноска: См. Список литературы, *ante*, стр. 19, Примечание 1. Об этой телеграмме в оригинале см. "Эгиди и Клаухольд", *Государственный архив*, (Гамбург, 1870), 1923, S. 44, № 1033.]

ОФИЦИАЛЬНОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ.

За сценой в Законодательном органе последовало немедленное внесение законопроектов, предусматривающих дополнительные ассигнования для армии и флота, призыв Национальной гвардии и санкционирование участия добровольцев в войне. Это последнее предложение было одобрено замечанием, что во Франции очень много молодых людей, любящих порох, но не любящих казармы, которым это подходило бы; и это было встречено аплодисментами.

[Footnote: Journal Officiel du Soir, 17 Juillet 1870.] 18 июля были выделены дополнительные ассигнования в размере 500 миллионов франков, из которых 440 миллионов предназначались для армии и 60 - для военно-морского флота; и было санкционировано увеличение с 150 до 500 миллионов казначейских билетов. [Примечание: Там же, 20 июля.] 20 июля герцог де Грамон снова появился в "Трибюн" и произнес следующую речь:

"В соответствии с обычаями и по приказу императора я пригласил *временного поверенного в делах* Франции уведомить Берлинский кабинет министров о нашем решении добиваться с помощью оружия гарантий, которые мы не смогли получить путем обсуждения. Этот шаг был сделан, и я имею честь довести до сведения Законодательного корпуса, что в результате между Францией и Пруссией с 19 июля существует военное положение. Это заявление в равной степени относится к союзникам Пруссии, которые оказывают ей вооруженное содействие против нас". [Сноска: Там же, 23 июля.]

Здесь французский министр сыграл роль трубача на дуэли, произнес воззвание перед тем, как его чемпион выехал вперед. Согласно заявлению графа Бисмарка, сделанному парламенту в Берлине, это официальное объявление войны было единственным официальным сообщением Франции во всей этой сделке, являясь первым и единственным сообщением с момента выдвижения кандидатуры принца Леопольда. [Примечание: Содержание речи Бисмарка в рейхстаге, [20 июля 1870 г.,] пояснение к документам, относящимся к объявлению войны, — Франко-прусская война, № 3, стр. 29: Парламентские документы, 1870, том. LXX. Discours du Comte de Bismarck am Reichstag, le 20 Juillet 1870: Angeberg, [Chodzko,] Recueil des Traites, etc., concernant la Guerre Franco-Allemande, Tom. I. p. 215.] Насколько стремительным было это безумие, станет видно через несколько свиданий. 6 июля с французской трибуны прозвучал первый вызов; 15 июля - изложение горестей Франции в форме объявления войны с требованием людей и денег; 19 июля было объявлено военное положение.

Твердо, но контрастируя с "легким сердцем" Франции, это решение было быстро принято Германией, сердце и сила которой нашли выражение в речи короля на открытии парламента, наспех собранного 19 июля. С нарушенной от волнения артикуляцией и увлажнившимися глазами его Величество сказал:

"Поддерживаемые единодушной волей немецких правительств Юга и Севера, мы с большей уверенностью обращаемся к любви к Отечеству и жизнерадостной самоотдаче немецкого народа с призывом защитить свою честь и независимость". [Footnote: Aegidi und Klauhold, Staatsarchiv, 19 Band, S. 107, No. 4056. Парламентские ведомости, 1870, Вып. LXX.: Франко-прусская война, № 3, с. 2-3.]

Парламент сочувственно отнесся к королю и выделил необходимые ассигнования. И, таким образом, два чемпиона стояли лицом к лицу.

ДВЕ ВРАЖДУЮЩИЕ СТОРОНЫ.

По всей Франции, по всей Германии зазвучали трубы, и повсюду люди бросились к оружию, как будто великий рог Орlando после многовекового сна снова разослал свой повелительный призыв. Не было ни города, ни деревни, куда бы не проник голос. Современные изобретения предоставили союзника, превосходящего все, что можно было найти в *fable*. Со всех концов Франции, со всех уголков Германии вооруженные люди ринулись вперед, оставив позади очарование мира и жизненные дела. С каждой стороны было проведено мощное совещание, армии исчислялись сотнями тысяч человек. А теперь, прежде чем мы станем свидетелями взаимной резни, давайте сделаем паузу, чтобы рассмотреть две стороны и проблему между ними.

Франция и Германия в высшей степени непохожи друг на друга, но в то же время равны друг другу, в то время как среди наций они непревзойденны по цивилизации, каждая из них богата ресурсами, великолепна по гениальности, и велика по известности. Нет двух наций, которые были бы так близки друг к другу. Под Германией я сейчас подразумеваю не только государства, составляющие Северную Германию, но также Вюртемберг, Баден и Баварию Южной Германии, союзников в нынешней войне, все они вместе составляют около пятидесяти трех миллионов французских гектаров, что почти соответствует площади Франции. Население каждого из них недалеко от тридцати восьми миллионов, и было бы трудно сказать, какое из них больше. Что касается финансов, то у Германии меньший доход, но и меньший долг, в то время как ее правители, следуя настроениям народа, культивируют мудрую экономику, так что и здесь сохраняется существенное равенство с Францией. Армии этих двух стран, включающие регулярные войска и тех, кто подлежал призыву, не сильно различались по численности, если не отбросить авторитет "Готского альманаха", который несколько расплывчато оценивает вооруженные силы Франции в 1 350 000 человек, в то время как численность Северной Германии составляет всего 977 262 человека, к которым следует добавить 49 949 человек в Баварии, 34 953 человека в Вюртемберге и 43 703 человека в Бадене, итого 1 105 867 человек. Это, однако, в основном на бумаге, где очевидно, что Франция сильнее, чем на самом деле. Ее наличные силы на момент начала войны, вероятно, составляли не более 350 000 штыков, в то время как у Германии, благодаря ее превосходящей системе, было вдвое больше этого числа. В Пруссии каждый мужчина обязан служить, и, более того, каждый мужчина образован. Дисциплина и образование являются двумя мощными дополнениями. Это выгодно Германии. В Шассепоте и игольчатом пистолете они равны. Но Франция выделяется хорошо оснащенным военно-морским флотом, имеющим не менее 55 броненосцев и 384 других боевых корабля, в то время как у Германии всего 2 броненосца и 87 других военных судов. [Примечание: Для приведенных выше статистических данных см. *Almanach de Gotha*, 1870, под названиями нескольких упомянутых штатов, — также, что касается площадей и населения, *Сравнительные таблицы*, I., II., III., в том же томе, стр. 1037-38.] С другой стороны, на протяжении долгих поколений существовало другое неравенство, к большому ущербу Германии. Франция была нацией, в то время как Германия была разделена и, следовательно, слаба. Сильная в союзе, последняя теперь претендует на нечто большее, чем *господство в воздухе*, которое когда-то принадлежало ей, в то время как Франция владела сушей, а Англия - морем. [Footnote: "So wie die Franzosen die Herren des Landes sind, die Engländer die des grössern Meeres, wir die der Beide und Alles umfassenden Luft sind."—RICHTER, (Jean Paul,) *Frieden-Predigt an Deutschland*, V.: Saemtliche Werke, (Berlin, 1828-38,) Theil XXXIV. s. 13.] Господство на земле, наконец,

оспаривается, и мы невыразимо опечалены тем, что с высоты, которой они достигли, эти два равных по цивилизации человека могут опуститься до варварства войны, и особенно тем, что хвала Декарту, Паскалю, Вольтеру и Лапласу должна вызвать на кровавый поединок хвалу Лютеру, Лейбницу, Канту и Гумбольдту.

БЕЗУМИЕ.

Очевидно, что между этими двумя соседними державами существовал прискорбный антагонизм, постоянный, если не усиливающийся, отчасти из-за воспоминаний о прошлых днях, а отчасти потому, что Франция не могла вынести того немецкого единства, которое было национальным правом и обязанностью. Часто говорилось, что война была неизбежна. Но в конце концов это стало неожиданностью и было вызвано "вопросом формы". Так это назвал Тьер; так это признал Оливье, когда он пожаловался на нечувствительность к вопросу чести; и так же поступил герцог де Грамон, когда он свел все это к телеграмме. Это не первый случай в истории, когда войны развязываются из-за пустяков; но с тех пор, как лорд Фрауэнштайн бросил вызов вольному городу Франкфурту из-за того, что молодая леди города отказалась танцевать с его дядей, не было ничего более абсурдного, чем этот вызов, посланный Францией Германии из-за того, что король Пруссии отказался встретиться с французским послом во второй раз по тому же поводу, а затем сообщить об отказе по телеграфу. Вот глупость, разоблаченная Шекспиром, когда Гамлет прикасается к безумию, большему, чем его собственное, в том духе, что "нашел бы ссору в соломинке, когда на кону честь", и в то же время изображает армию

"Ведомый нежным принцем,
Обнажающим то, что является смертным и неуверенным
На все, на что отваживаются Удача, Смерть и Опасность,
Даже ради яйца - отважатся."

Не может быть ссоры из-за соломинки или яичной скорлупы, если только люди не сошли с ума. Честь в цивилизованный век также не может требовать принесения в жертву разума или человечности.

НЕСПРАВЕДЛИВОЕ СТРЕМЛЕНИЕ ФРАНЦИИ ПОМЕШАТЬ ВЫДВИЖЕНИЮ КАНДИДАТУРЫ ГОГЕНЦОЛЛЕРНА.

Если бы в ходе дебатов крайняя тривиальность предлога оставалась сомнительной, если бы его крайняя абсурдность не была ясно очевидна, если бы его простая порочность уже не стояла перед нами, мы обнаружили бы все эти характеристики, вопиюще проявившиеся в той несправедливой претензии, которая предшествовала возражению о форме, на основании которого Франция в конце концов и выступила. Несколько слов прояснят это.

В счастливый момент Испания восстала против королевы Изабеллы и под крики "Долой бурбонов!" свергла ее с трона, который она обесчестила. Это было в сентябре 1868 года. Вместо того чтобы сразу учредить Республику в согласии с теми народными правами, которые были провозглашены, нерешительные лидеры принялись искать короля; и с того времени и по сей день они были в этих поисках, как если бы это был Святой Грааль или счастье на земле. Королевская семья Испании была объявлена недееспособной. Следовательно, короля нужно

было найти за пределами страны, и поэтому поиски были продолжены в других странах. Однажды трон предлагается принцу Португалии, затем принцу Италии, но каждый из них отказывается - насколько мудро, покажет будущее. Наконец, после затянувшегося почти на два года преследования, отважному солдату, который является генерал-капитаном и премьер-министром, маршалу Приму приходит в голову идея предложить его принцу Германии. Его несчастная жертва - принц Леопольд Гогенцоллерн-Зигмарингенский, католик тридцати пяти лет от роду, полковник первого полка прусской пехоты, отец которого, немецкий принц, проживающий в Дюссельдорфе. У принца не хватило здравого смысла отказаться. Я уже показал, как его согласие взволновало французский кабинет министров и послужило началом французского предложения; а теперь я перехожу к самому предложению.

Под каким предложением Франция взяла на себя обязательство вмешаться в выбор Испании? Если последний был настолько глуп, что избрал королем иностранца, сделав немца первым среди испанцев, то каким титулом какая-либо другая держава пыталась контролировать его волю? Сформулировать вопрос - значит ответить на него. Начавшись с возмущения испанской независимостью, которое в прежние времена возмутило бы Испанию, следующее возмущение было направлено против Германии, предполагавшей, что незначительному принцу этой страны нельзя позволить принять приглашение, - все это, помимо того, что было невыносимой дерзостью, было в том худшем династическом духе, который ориентирован скорее на принцев, чем на народ. Очевидно, что Франция поступила неоправданно. Когда я говорю, что это было не ее дело, я выражаю самое мягкое осуждение. Это был первый шаг в ее чудовищной *ошибке-преступлении*.

Его характер как предложения становится болезненно очевидным, когда мы узнаем больше о знаменитом принце Леопольде, приглашенном Испанией и отвергнутом Францией. Это правда, что его фамилия частично совпадает с фамилией прусского короля. Каждого зовут Гогенцоллерн; но он добавляет к имени Зигмаринген. Эти две разные ветви одной семьи; но вы должны подняться до двенадцатого века, насчитав более двадцати ступеней, прежде чем придете к общему предку. [Примечание: Беседы-Лексикон, (Лейпциг, 1866), 8 полос, арт. Hohenzollern. История Фридриха II Карлейля (Лондон, 1858), книга III. Часть 1, том I. стр. 200.] И все же на этом самом отдаленном и бесконечно малом родстве основаны претензии Франции. Но дерзость превращается в смехотворность, когда становится известно, что принц более близок по родству с французским императором, чем с прусским королем, и это благодаря трем различным смешанным бракам, которые не восходят к двенадцатому веку. Вот в чем дело. Женой его деда была племянница Иоахима Мюрата, [Примечание: Антуанетта, дочь Этьена Мюрата, третьего брата Иоахима. - Биографический жанр, (Дидо,) Том. XXXVI. col. 984, ст. МУРАТ, примечание.] Король Неаполя и шурином первого Наполеона; и у его отца была жена, дочь Стефании де Богарне, приемной дочери первого Наполеона; так что принц Леопольд по отцу приходится правнучатым племянником Мюрату, а по матери он внук Стефании де Богарне, которая была двоюродной сестрой и приемной сестрой Гортюзы де Богарне, матери нынешнего императора; и к этому можно добавить еще одно родство - брак сестры его отца с Иоахимом Наполеоном, маркизом Пеполи. , внук Иоахима Мюрата. [Сноска: Готский альманах, 1870, стр. 85-87, ст. Hohenzollern-Sigmaringen.] Естественно, что человек, столь связанный с императорской семьей, был желанным гостем в Тюильри; и легко поверить, что маршал Прим, предложивший ему трон, был убежден, что родственник и гость императора будет благосклонно принят Францией. И все же, перед лицом этих обстоятельств и трех семейных уз, свежих и современных, связывающих его с Францией и французским императором, было выдвинуто

предположение, что его занятие испанского трона поставит под угрозу интересы и честь Франции.

ПОТОМУ ЧТО ФРАНЦИЯ БЫЛА ГОТОВА.

Бросая вызов Пруссии по этому вопросу, французский кабинет министров избрал свою собственную позицию. Очевидно, планировалась война, и кандидатура принца Леопольда от начала до конца служила предлогом. В этом заключении, которое слишком очевидно, нам вряд ли остается делать какие-либо выводы. Секрет был раскрыт Руэром, президентом Сената, в последнее время красноречивым и беспринципным министром, когда в официальном обращении к императору, сразу после оглашения премьер-министром Военного манифеста, он заявил, что Франция трепещет от негодования из-за полета амбиций, чрезмерно возбужденных однодневной удачей при Садове, и затем продолжил:

"Воодушевленный той спокойной настойчивостью, которая является истинной силой, ваше величество умели ждать; но за последние четыре года вы довели вооружение наших солдат до высочайшего совершенства и довели до полной мощи организацию наших вооруженных сил. *Благодаря вашей заботе, сир, Франция готова,*" [Примечание: Выступление во дворце Сен-Клу, 50 июля 1870 г.: Официальный журнал Суар, 18 июля 1870 г.]

Таким образом, по словам председателя Сената, Франция, подождав, начала войну, потому что была готова, в то время как, по мнению Кабинета министров, это было сделано по соображениям чести. Оба были правы. Война была объявлена, потому что император считал себя готовым, и предлог был найден в связи с телеграммой.

Принимая во внимание возраст и нынешние требования цивилизации, такая война является ужасающей по своей неправоте, заставляя душу восстать против нее. Одна из признанных причин жестока; другая легкомысленна; обе преступны. Если мы посмотрим на текст Манифеста и речи Кабинета, то увидим, что это война, основанная на пустяке, на соломинке, на яичной скорлупе. Очевидно, что это были только предлоги. Следовательно, это война предлогов, реальной целью которой является унижение и расчленение Германии в тщетной надежде возвысить Французскую империю и увековечить кричащую корону на голове мальчика. Благодаря военному успеху и миру, продиктованному в Берлине, император надеялся оказаться в таких условиях, что по возвращении в Париж он сможет свергнуть парламентское правительство, насколько оно там существовало, и восстановить личное правление, где все зависело от него самого, — таким образом, сделав победу над Германией средством другой победы над французским народом.

В другие времена имели место войны криминального происхождения, в которых свою роль играли мелочи, солома или яичная скорлупа; но они меньше контрастировали с окружающей цивилизацией. К этому списку относятся частые династические войны, вызванные интересом, страстью или прихотью кого-либо из Членов королевской семьи. Другие начинали с безрассудства, сходного с тем, что мы сейчас наблюдаем, - например, когда Англия вступила в войну с Голландией и по какой-то причине не колеблясь заявляла о "оскорбительных картинах". [Примечание: Хьюмо, "История Англии", гл. LXV., 17 марта 1672 г. - Содержание Декларации по этому вопросу гласило: "На их территории мало городов, которые не были бы заполнены оскорбительными картинками". (Парламентская история Хансарда, том IV, глава 514.) На что Юм замечает: "Голландцы долго не знали, что делать с этим предметом, пока не

обнаружилось, что поводом для жалобы послужил портрет Корнелиуса де Витта, брата Пенсионера, написанный по заказу некоторых магистратов Дорта и повешенный в комнате городского дома. В перспективе этого портрета художник нарисовал несколько кораблей, горящих в гавани. Было истолковано, что речь идет о Чатеме, где Де Витт действительно отличился "во время предыдущей войны указанным здесь способом", "позор" которого, по словам Лингарда, "глубоко запал в сердце короля и сердца его подданных". История Англии, том. IX. Глава III., 13 июня 1667 г.]. Англия Карла Второго была едва ли менее чувствительной, чем Франция Луи Наполеона, в то время как в каждой из них было одинаковое безразличие к последствиям. Но у Франции есть свои прецеденты. Из замечательной переписки принцессы Палатинской, герцогини Орлеанской, мы узнаем, что первая война с Голландией при Людовике Четырнадцатом была развязана министром Де Лионом, чтобы причинить вред мелкому немецкому принцу, который заставил его ревновать к своей жене.[Footnote: Briefe der Prinzessin Elisabeth Charlotte von Orleans an die Gaugraefin Louise, 1676-1722, herausg. von W. Menzel, (Stuttgart, 1843,)—Paris, 3) Mertz, 1718, s. 288.] Общительный и жизнерадостный Сен-Симон дважды рассказывает нам, как Лувуа, другой министр Людовика Четырнадцатого, получив отказ своего хозяина в отношении размеров окна в Версале, проникся идеей, что "из-за нескольких дюймов в окне", как он выразился, все его заслуги будут забыты, и поэтому, чтобы спасти свое место, развязал иностранную войну, которая сделала бы его необходимым королю. Пламя в Пфальце, пожиравшее творения человека, свидетельствовало о его неизменной власти. Война приобрела всеобщий характер, но, по словам хрониста, она разорила Францию дома и не расширила ее владения за границей. [Сноска: Мемуары, (Париж, 1829), том VII, стр. 49-51; XIII, стр. 9-10.] Французский император уверенно рассчитывал занять ту же историческую область, которую так часто сжигали и разоряли французские армии, с этим Гейдельбергским замком, который повторяет историю окрови, — и, позвольте мне сказать, ожидал этого не по лучшей причине, чем у своего королевского предшественника, побуждаемого беспринципным министром, стремящимся к личному положению. Параллель продолжается в проклятии, которое имперское оружие навлекло на Францию.

ХОД ВОЙНЫ.

Как протекала эта война, мне нет нужды пересказывать. Вы все читали записи изо дня в день, с великою скорбью для всего человечества,—как, спустя короткий интервал подготовки или колебаний, два бойца первый скрещенные мечи в Саарбрюккен, в Германии граница, и молодой князь императорской исполнял свою роль в том, чтобы подобрать пулю из области, которую император немедленно сообщать по телеграфу к императрице,—как этот маленький военный успех-это все, что сподобился человек, который начал войну,—как вскоре после этого последовали победы, сначала на холме-стороны Тель-Авив, а затем, район, разрушая армию Мак-Магон, которому империя выглядела так уверенно,—как еще одна большая армия под Базена был вызван в сильную крепость Мец,—как все крепости, ошестинившиеся пушками и хмуясь на Германию, были вложены,—как бой сражаться на различных полях, где смерть великого завоевателя,—как, с помощью современного искусства, войны показал себя убийство машинами,—как Мак-Магон, собрав рассеянных людей и укрепления их подкрепление, предприняли попытку освободить Базена,—как, наконец, после долгих походов, его большая армия оказалась заткнись на седан с вихрем огня падал на ее сбились в рядах, так что единственное его безопасность была капитуляция,—как с капитуляцией армии было представление самого императора, который отдал свою шпагу прусскому королю и стал

военнопленным,—и как, на прием этой новости в Париже Луи-Наполеон и его династия была лишена своих полномочий и империя погибла в Республике. Эти вещи ты знаешь. Мне нет нужды заикливаться на них. Не на битвы и их страшные превратности, где все залито кровью, должны мы смотреть, но на идеи, которые преобладают, — как в отношении меры времени мы смотрим не на маятник в его колебаниях, а на башенные часы, бой которых отсчитывает время. Великий час для человечества пробил, когда была провозглашена Республика. И это я говорю, даже если она снова потерпит неудачу; ибо каждая попытка способствует окончательному триумфу.

ВОЙНА СЮРПРИЗОВ.

Война, начиная с предлога в ее начале и заканчивая капитуляцией под Седаном, была чередой сюрпризов, в которых автор предлога постоянно страдал. И в этом нет ничего странного. Фальстаф говорит с юмором: "Посмотрите теперь, как остроумие может стать отличным занятием, когда оно находится на плохом поприще!" [Примечание: "Веселые жены Виндзора", Акт V. Sc. 5.] — и другой персонаж в пьесе Бомонта и Флетчера раскрывает ту же злую судьбу в более сильных выражениях, когда он говорит:

"Ад дает нам искусство достигать глубины греха, но оставляет нас жалкими дураками, когда мы внутри". [Сноска: Королева Коринфа, Акт IV. Sc. 3.]

И именно в таком состоянии находилась Французская империя. Германия, возможно, была удивлена одним - внезапным использованием предлога для войны. Но Империя не знала ничего, кроме удивления. Фатальной неожиданностью стала быстрота, с которой все германские государства, находящиеся за пределами австрийского владычества, приняли лидерство Пруссии и объединили свои силы с ее силами. Разногласия были забыты — будь то ненависть Ганновера, страх перед Вюртембергом, хладнокровие Баварии, противодействие Саксонии или нетерпение ганзейских городов, потерявших значение. Ганновер не восстал бы; другие штаты и города не были бы отделены. На следующий день после оглашения Военного манифеста во французской трибуне, еще до выступления короля в Северном парламенте, Южные штаты пришли в движение. Единство Германии было незыблемым, и это стало величайшим сюрпризом для Франции, с которого началась война. В один прекрасный день император в своем Официальном Дневнике объявляет своей целью освобождение Баварии от прусского гнета, а уже на следующий день наследный принц Пруссии во главе баварских войск сокрушает имперскую армию.

Затем последовала явная неполноценность имперской армии, повсюду превосходившей ее численностью, что было еще одним сюрпризом, — явная неполноценность имперской артиллерии, тоже неожиданность, — явная неполноценность имперских генералов, все еще удивляющая. Помимо этого, преобладали неэффективность и недальновидность, которые очень скоро стали бросаться в глаза, и это было неожиданностью. Сила Германии в том виде, в каком она была продемонстрирована сейчас, была неожиданностью. И когда немецкие армии вошли во Францию, каждый шаг был неожиданностью. Виссамбург был неожиданностью, как и Верт, как и Бомон, как и Седан. Каждая встреча была неожиданностью. Абель Дуэ, французский генерал, храбро павший в бою при Виссамбурге, ставший первой жертвой на поле боя, был удивлен; то же самое было и с Мак-Магоном, не только в начале, но и в конце. Он думал, что король и наследный принц идут маршем на Париж. Так оно и было, но они отступили на

несколько дней, чтобы заставить врасплох целую армию численностью более ста тысяч человек, грозную пушками и новоизобретенными орудиями войны, под командованием маршала Франции и, кроме того, императора. Поскольку эта череда неожиданностей увенчалась тем, что казалось величайшим сюрпризом из всех, удивление Французской империи оставалось еще большим. Ни один греческий заклятый враг с безжалостной дланью никогда не наносил более беспрестанно неизбежный удар, пока Империя не пала, как падает мертвое тело, в то время как император стал пленником, а императрица - беглянкой, и их единственный ребенок тоже был беглецом. Поэт говорит:—

"Когда-нибудь пусть пронесется великолепная трагедия В скипетровом покрове".[Сноска: Мильтон, II Пенсеросо, 97-98.]

Это пронеслось у всех на глазах. Под этим скипетровым покровом - прах великой империи, основанной и управляемой Луи Наполеоном; если и не прах императора, то только потому, что он был готов пожертвовать другими, а не собой.

ДРУГИЕ ФРАНЦУЗСКИЕ МОНАРХИ, ЗАХВАЧЕННЫЕ В ПЛЕН НА ПОЛЕ БИТВЫ.

Дважды прежде французские монархи сдавались на поле битвы и становились военнопленными; но никогда прежде капитуляция не была столь масштабной. Преподносят ли их судьбы какой-нибудь урок? В битве при Пуатье, памятной в английской истории, Иоанн, король Франции, стал пленником Эдуарда Черного принца. Его вельможи один за другим падали рядом с ним, но он доблестно сражался до последнего, пока, измученный усталостью и численным превосходством, не сдался. Его сын, ровесник сына французского императора, был ранен, сражаясь за своего отца. Учивость английского принца покорила не только его оружие. Я цитирую язык Юма:-

Тронутый великодушием Эдуарда больше, чем собственными бедствиями, он признался, что, несмотря на поражение и плен, его честь все еще не пострадала, и что, если он одержал победу, то, по крайней мере, ее одержал принц такой непревзойденной доблести и человечности. "[Сноска: История Англии, (Оксфорд, 1826), Часть XVI., том II. стр. 407.]

Король был доставлен в Англию, где, после пышного триумфального шествия своего завоевателя, он заключил позорный договор о расчленении Франции, который возмущенная нация не ратифицировала. Более чем четырехлетнее пленение было прекращено выкупом в размере трех миллионов крон золотом — огромная сумма, более десяти миллионов долларов в наши дни. Очевидно, королю не повезло, поскольку он не остался во Франции, а под влиянием мотивов, изложенных по-другому, вернулся в Англию, где и умер. Несомненно, это урок.

Более знаменитым, чем Иоанн, был Франциск с гербом саламандры, также король Франции, отличавшийся веселостью, чей лик, изображенный тем искусством, покровителем которого он был, выделяется в ряду королей. Как французский император напал на Германию, так и король вступил в Италию, и он был в равной степени уверен в победе. На поле Фавии он столкнулся с армией Карла Пятого, но под командованием его генералов, когда, после отчаянного боя и убийства семерых человек собственной рукой, он был вынужден сдаться. Его мать в то время была регентом Франции, и говорят, что ей он написал сентенциальное письмо: "Все потеряно, кроме чести". Фрэнсис не писал такого письма [Сноска: Сисмонди, История Франции, Том XVI,

стр. 241-42. Martin, Histoire de France, (genie edit.) Tom. VIII. стр. 67, 68.] мы также не знаем ни о каком подобном письме Луи Наполеона; но положение двух регентов было идентичным. Вот слова, в которых Юм описывает состояние предыдущего:

"Принцесса была поражена величию бедствия. Она видела королевство без государя, без армии, без генералов, без денег, окруженное со всех сторон непримиримыми и победоносными врагами; и ее главным ресурсом в ее нынешних бедствиях были надежды, которые она питала, на мир и даже на помощь от короля Англии ". [Сноска: История Англии, (Оксфорд, 1826), гл. XXIX., т. IV. стр. 51.]

Франциск стал пленником Карла Пятого и был доставлен в Мадрид, где после года плена его наконец освободили, и, пересекая французскую границу, он воскликнул: "Узрите меня снова королем!" [Сноска: Сисмонди, Том. XVI. стр. 277. Мартин, Том. VIII. стр. 90.] Разве судьба Луи Наполеона не была прообразом изгнания и смерти его царственного предшественника Иоанна, а не возвращения Франциска с его восторженным возгласом?

ЛУИ НАПОЛЕОН.

Падение Луи Наполеона естественно. Трудно представить, как это могло быть иначе, пока мы продолжаем "утверждать вечное Провидение И оправдывать пути Божьи перед людьми". [Сноска: Потерянный рай, книга I. 25-26.]

Если бы он добился успеха до конца и мирно скончался на троне, его имя постоянно поощряло бы нечестность и преступления. Совершив беспрецедентное предательство, нарушив неоднократные обещания и свою служебную присягу, он смог растоптать Республику. Заняв свое место в Национальном собрании после долгого изгнания, авантюрист поспешил заявить о ликованиях по поводу восстановления своей страны и всех своих гражданских прав, воскликнув: "Республика подарила мне это счастье: пусть Республика примет мою клятву благодарности, мою клятву верности!" — и затем он провозгласил, что никто не превзойдет его в решительной преданности "защите порядка и установлению Республики". [Footnote: Seance du 26 Septembre 1848: Moniteur, 27 Septembre.] Хорошие это слова. С другой стороны, будучи кандидатом в президенты, в манифесте к избирателям он дал еще одно обещание, объявив, что "полностью, без мысленных оговорок посвятит себя созданию Республики, мудрой в своих законах, честной в своих намерениях, великой и сильной в своих действиях"; и он произнес дополнительные слова, обязывающие его к особой лояльности, сказав, что он "*должен считать делом чести* оставить своему преемнику по истечении четырех лет укрепленную власть, неприкосновенную свободу, достигнутый реальный прогресс". [Footnote: A ses Concitoyens: OEuvres, Tom. III. стр. 25.] Вы увидите, как эти простые и недвусмысленные обязательства были открыто нарушены.

Избранный всенародно, состоялась его инаугурация в качестве президента Республики, когда он торжественно возобновил уже взятые на себя обязательства. Поднявшись со своего места в Собрании на трибуну и подняв руку, он принес следующую служебную присягу: "В присутствии Бога и перед французским народом, представленным Национальным собранием, я клянусь оставаться верным Единой и Неделимой Демократической Республике и выполнять все обязанности, которые налагает на меня Конституция". Это была присяга. Затем, обращаясь к Собранию, он сказал: "Избирательные права нации и присяга, которую я только что принес,

определяют мое будущее поведение. Мой долг определен. Я выполняю это как человек чести. Он снова подтверждает свою честь. Затем, воздав заслуженную должное своему непосредственному предшественнику и сопернику генералу Кавеньяку за его преданность характеру и то чувство долга, которое он называет "первым качеством главы государства", он возобновляет свои клятвы Республике, говоря: "У нас, граждане представители, есть великая миссия, которую мы должны выполнить; это основать Республику в интересах всех"; и он закончил под одобрительные возгласы в поддержку Республики.[Footnote: Seance de 20 Decembre 1848: Moniteur, 21 Decembre.] И все же, несмотря на эту присягу и эту череду самых торжественных обещаний, где он дважды подтверждает свою честь, едва он стал президентом, как начал строить планы провозгласить себя императором, пока, наконец, путем насилия и крови, с жестокой резней на улицах Парижа ему не удалось свергнуть Республику, с которой он был связан обязательствами благодарности и долга, а также обязательствами в столь различной форме. Была провозглашена империя. Затем последовала его женитьба и династические амбиции обеспечить корону своему сыну.

В раннем возрасте был "Угольным" заговорщиком против королей, [Примечание: член тайного общества Кирам в Италии.] теперь он стал коронованным заговорщиком против республик. Название Республики было для него порицанием, в то время как ее слава была угрозой. Против Римской Республики он с самого начала составил заговор; и когда восстание, вызванное рабством, казалось, предоставило возможность, он составил заговор против нашей Республики, продвигая, насколько осмеливался, независимость Рабовладельческих штатов и в то же время на развалинах Мексиканской Республики создавая имитацию Империи. В подобном духе он устроил заговор против Единства Германии, чья справедливая сила обещала стать стеной против его беспринципных корыстолюбивых устремлений.

Это лишь краткое описание того несравненного вероломства, которое после кажущегося успеха подходит к концу. О падшем человеке я бы ничего не сказал; но ради человечества Луи Наполеон должен быть разоблачен. Он был дурным примером, распространяя свое влияние. Измерить масштабность этого ущерба невозможно. Принеся Республику в жертву собственному возвышению, правя в интересах династии, а не народа, подчинив мир во всем мире своим порочным амбициям ради своего сына, он подал пример эгоизма, и пропорционально его триумфу человечество развратилось в своих суждениях о человеческом поведении. Уча людей стремиться к господству в ущерб долгу, он деморализовал не только Францию, но и весь мир. Несомненно, частью этого дурного примера была его ложь по отношению к Республике. Обещание, клятва, честь, присяга - все было нарушено в ходе этой чудовищной измены. Никогда в истории не было большей низости. Несомненно, он мог бы спасти Республику, но предпочел собственное возвышение. Поскольку я республиканец и верю, что республиканские институты служат благу человечества, я не могу простить предателя. Народ Франции невежествен; он не заботился о том, чтобы дать им образование, ибо их невежество было его сильной стороной. Получив образование, Республика была бы обеспечена. И даже после падения Империи, если бы он больше думал об образовании и меньше о своей династии, во Франции существовала бы цивилизация, делающая войну невозможной. Несомненно, нынешняя война - его дело, затеянное ради его воображаемой выгоды. Бэкон в одном из своих замечательных Эссе говорит нам, что "Крайние себялюбцы подожгут дом, и это было бы всего лишь для того, чтобы поджарить им яйца". [Примечание: О мудрости для самого человека: Эссе XXIII.] Луи Наполеон поджег Европу, чтобы поджарить свою.

Помимо продолжающегося нарушения его общественной жизни, я обвиняю его в трех особых и непростительных преступлениях: во-первых, в нарушении общественного долга и общественной веры, вопреки всем торжественным обещаниям, из-за чего был ослаблен весь общественный порядок и деградировал человеческий характер; во-вторых, в нелояльности к республиканским институтам, вследствие чего из-за него Республика была остановлена в Европе; и, в-третьих, в этой жестокой и беспричинной войне, виновным инициатором которой он является.

ВОЗМЕЗДИЕ.

Из знакомых текстов Священного Писания есть один, который со времен кровавой вспышки сохраняет постоянную применимость и силу. Вы знаете это: "Все, взявшие меч, мечом погибнут"; [Сноска: от Матфея, ххvi. 52.] и эти слова обращены как к народам, так и к отдельным людям. Франция подняла меч против Германии, и теперь лежит, истекая кровью из каждой поры. Луи Наполеон взял меч и превратился в ничто. Уже в том *государственном перевороте*, посредством которого он сверг Республику, он взял меч, и теперь Империи, которая была делом его рук, приходит конец. В Мексике он снова взялся за меч и снова понес страшную кару, в то время как австрийский эрцгерцог, который, уступив его давлению, провозгласил себя там императором, был застрелен по приказу мексиканского президента, индейца несмешанной крови. И вот свершилось возмездие, причем не только для французского императора, но и далеко за его пределами. Я не знаю, существуют ли невидимые нити, которыми Настоящее связано с далеким Прошлым, заставляя потомка страдать даже за далекого предка, но я не могу забыть, что Максимилиан происходил из той самой семьи Карла Пятого, чей полководец-завоеватель Кортес растянул индейского Гватемальца на костре, а затем казнил его на дереве. Смерть Максимилиана была запоздалым возмездием за смерть Куаутемозина. И таким образом в этом мире зло отмщается, иногда спустя много поколений. Падение французского императора является иллюстрацией того же самого возмездия, которое столь постоянно. Пока он еще жив, суд начался.

Если я накапливаю примеры, то это потому, что уверенность в возмездии за зло, и особенно за великое зло войны, является уроком нынешней дуэли, который следует запомнить. Обратите внимание, все, кто хотел бы призвать к войне, что путь преступника труден, и рано или поздно его настигнут. Запрет может быть снят с опозданием, но он обязательно будет снят.

Возмездие в другой форме уже посетило Францию; и его ужасная месть еще не исчерпана. Не только многолюдные города, где кипит жизнь и полно ни в чем не повинных семей, подвергаются осадам, но и бомбардировкам — самому безжалостному испытанию войны, когда некомбатанты, включая женщин и детей, больных и престарелых, разделяют с солдатом его особые опасности и страдают наравне с ним. Все равны перед отвратительным снарядам, который разбивается, разрывается, разрушает, убивает и превращает самую красивую сцену в забрызганные кровью обломки. От его мстительного, кровожадного нашествия у людей нет защиты — ничего, кроме ненадежного убежища в подвалах или, может быть, в общей канализации. Страсбург, Туль и Мец уже были призваны вынести эту беспорядочную резню, где нет различия между людьми; и теперь та же участь грозит Прекрасному Парижу с его многолюдным населением, исчисляемым миллионами. Таким образом, древняя чаша, которую Франция передавала другим, теперь принадлежит ее собственным устам. Именно Франция первой в истории применила этот метод ведения войны. Давным-давно, при Людовике

Четырнадцатом, он стал фаворитом; но это не ускользнуло от суда истории. Вольтер изящным пером записывает, что "это искусство, вскоре распространившееся среди других народов, служило только умножению человеческих бедствий и не раз было ужасным для Франции, где оно было изобретено". [Сноска: Сикль Людовика XIV, глава XIV: (Эвр, (изд. 1784- 89,) Том. XX. стр. 406.)

Бомбардировка Люксембурга в 1683 году вызвала у Сисмонди, всегда гуманного и утонченного, слова, применимые к недавним событиям. "Людовик Четырнадцатый, - говорит он, - был первым, кто применил на практике этот жестокий и недавно изобретенный метод бомбардировки городов ... нападения не на укрепления, а на частные дома, не на солдат, а на мирных жителей, женщин и детей, и смешения тысяч частных преступлений, каждое из которых вызывало ужас, в одно великое общественное преступление, в одно великое бедствие, которое он рассматривал не более чем как одну из катастроф войны". [Примечание: История Франциска, Том. XXV. стр. 452-53.] И снова сбывается изречение: "Все, взявшие меч, погибнут от меча". Никакой промежуток времени не может отвратить неумолимый закон. Макбет видел это в своих ужасных фантазиях, когда он сказал: —

Но в таких случаях

У нас все еще есть суждение, которому мы всего лишь учим
Кровавые инструкции, которые, будучи преподанными, возвращаются
Чтобы досаждать изобретателю".

А что может быть более кровавым, чем бомбардировка города, которая теперь возвращается, чтобы досаждать французскому народу?

Таким образом, история - это нечто большее, чем философское обучение примером; это проповедь с аргументацией и увещанием. Простая летопись народов проповедует; и независимо от того, относитесь ли вы к разуму или чувствам, это одно и то же. Если бы народы были мудрыми или гуманными, они бы не воевали.

МИР ПОСЛЕ КАПИТУЛЯЦИИ ПОД СЕДАНОМ.

Бесполезны уроки прошлого или наставления по благоразумию против того духа войны, который находит одобрение и регулирование в Международном праве. Пока сохраняется военная система, люди будут сражаться. Пока я говорю, два чемпиона по-прежнему стоят лицом к лицу, Германия ликует от победы, но Франция ни в коем случае не покоряется. Поединок все еще продолжается, хотя один из чемпионов прижат к земле, как в том раннем бою, когда шевалье Баярд, столь выдающийся рыцарь, вонзил свой кинжал в ноздри своего поверженного врага, а затем утащил его мертвое тело с поля боя. Теперь история повторяется, и мы являемся свидетелями в Германии того самого поведения, которое осудил знаменитый французский рыцарь.

Французский император был агрессором. Он начал эту роковую дуэль. Пусть он падет, но не народ Франции. Они уже жестоко искупили свое преступление, приняв такого правителя. Не всегда они должны страдать. Достаточно потерь, достаточно жертв, достаточно резни они претерпели. Достаточно они ощутили на себе проклятое копыто Войны.

Теперь легко видеть, что после капитуляции под Седаном произошла двойная ошибка: во-первых, со стороны Германии, которая, как великодушный победитель, должна была предложить мир, тем самым одержав победу как по характеру, так и с оружием в руках; и, во-вторых, со стороны Республики, которая должна была отказаться вести империалистическую войну, против которой республиканские лидеры так горячо протестовали. С капитуляцией императора династический вопрос был закрыт. Больше не было ни претензий, ни предложений, ни поводов для войны. Обе стороны должны были прийти к взаимопониманию. Зачем продолжать эту ужасную смертоносную, братоубийственную, самоубийственную битву, чреватую взаимной смертью и самопожертвованием? Зачем идти на Париж? Зачем осаждать Париж? Зачем бомбардировать Париж? С какой целью? Если для унижения Франции, то это должно быть осуждено.

ТРИ ОСНОВНЫХ УСЛОВИЯ МИРА.

При выработке условий мира есть по крайней мере три условия, которые нельзя упускать из виду в интересах цивилизации, и что мир может быть таким на самом деле, как на словах, а не только перемирием, — три постулата, которые стоят выше всех вопросов и доминируют в этих дебатах, так что любое существенное отклонение от них должно закончиться плачевным провалом.

Первое - это естественное требование Германии, заключающееся в том, что должна быть самая полная гарантия от будущей агрессии, составляющая то, что так хорошо известно среди нас как "Безопасность на будущее". Граф Бисмарк, с едва ли простительным преувеличением, утверждает о более чем двадцати вторжениях Франции в Германию и заявляет, что они должны быть прекращены навсегда. [Примечание: Циркуляр от 16 сентября 1870 г.: Международные отношения Соединенных Штатов, —Исполнительные документы, 41-й конгресс. 3-я сессия., H. of R., том I. № 1, часть 1, стр. 212-13.] Многие или немногочисленные, они должны быть остановлены навсегда. Второе условие, которое следует учитывать, - это естественное требование Франции, согласно которому гарантия, хотя и достаточная, должна быть такой, чтобы без необходимости не задевать чувства французского народа или не нарушать какой-либо принцип публичного права. Трудно подвергнуть сомнению эти два постулата, по крайней мере абстрактно. Только когда мы переходим к практическому применению, появляется возможность для различия. Третий постулат, которого в равной степени требуют справедливость и гуманность, заключается в установлении некоего правила или прецедента, посредством которого должно быть предотвращено повторение такой варварской дуэли. Недостаточно будет получить гарантию для Германии; должна быть гарантия для самой Цивилизации.

При тщательном исследовании будет видно, что все это может быть достигнуто только одним способом, который я опишу, когда сначала покажу то, что сейчас выдвигается и обсуждается как требование Германии, под двумя разными заголовками: Возмещение ущерба и Гарантия.

КОНТРИБУЦИЯ ГЕРМАНИИ.

Я уже говорил о гарантии как о существенном условии. Компенсация не является существенной. В конце нашей войны с рабством мы ничего не говорили о компенсации. За жизнь гражданина не могло быть никакой компенсации, и это было практически невозможно даже за принесенные в жертву сокровища. Безопасность на будущее - это все, что требовалось нашей стране, и это

нашло отражение в положениях Закона и Конституции, устанавливающих равные Восьмерки. Из различных намеков очевидно, что Германия не удовлетворится без денежной компенсации в крупном размере; и также очевидно, что Франция, агрессор, не может, будучи побежденной, в определенной степени отрицать свою ответственность. Вопрос будет заключаться в сумме. Немецкие калькуляторы уже начинают подсчитывать свои неумолимые цифры. Одно из них настаивает на том, что возмещение должно покрывать не только расходы германской армии, пенсии вдовам и инвалидам, содержание французских раненых и пленных, компенсацию немцам, изгнанным из Франции, а также ущерб, понесенный аннексируемой территорией, особенно Страсбургом; но оно также должно покрывать косвенные убытки, большие по размеру, такие как потери для нации от превращения производительных рабочих в солдат, потери от убийства и выведения из строя стольких рабочих, и, в целом, потери от приостановки торговли и производства, обесценивания национальной собственности и уменьшения общественного благосостояния. Доходы: — все это, по последним оценкам, достигает пугающей суммы — 4 935 000 000 франков, или почти тысяча миллионов долларов. Из этой суммы 1 255 000 000 франков идут на счет армии, 1 230 000 000 - на прямой ущерб, 2 250 000 000 - на косвенный ущерб и 200 000 000 - на ущерб отвоєванными провинциями. Более того, Берлинская торговая палата настаивает на возмещении ущерба не только за фактическую потерю судов и грузов в результате блокады, но и за ущерб, причиненный задержанием. Большая часть этого многоглавого рассказа, который я привожу, чтобы раскрыть дело во всей его полноте, будет отвергнута Францией как невероятная, последовательная и далекая. Практический вопрос будет заключаться в том, может ли одна нация причинить вред другой, не заплатив за ущерб, каким бы он ни был, прямым или косвенным, — всегда при условии, что он поддается оценке? Здесь я довольствуюсь замечанием, что, хотя в урегулировании международных разногласий нет места формальностям, всегда есть место умеренности.

ГАРАНТИЯ РАСЧЛЕНЕНИЯ.

Каким бы обширным ни было требование о возмещении ущерба, оно не поднимает вопроса, столь рассчитанного на то, чтобы затронуть чувства Франции, как требование о гарантиях, уже объявленное Германией. На этот счет нам не остается строить догадок. С момента ее первой победы нас заверили, что Германия предъявит права на Эльзас и Немецкую Лотарингию с их знаменитыми цитаделями; и теперь у нас есть заявление графа Бисмарка в дипломатическом циркуляре, что он рассчитывает отодвинуть немецкую границу дальше на запад, — имеется в виду до гор Вогезы, если не до Мозеля также, — и превратить крепости в то, что он называет "оборонительными опорными пунктами Германии". [Сноска: Циркуляр от 16 сентября 1870 г., — ubi выше, стр. 49, Примечание 1.] Затем, рассматривая ситуацию шире, он заявляет, что, "затрудняя Франции, от которой так долго исходили все европейские беды, переход в наступление, мы также содействуем общим интересам Европы, которые требуют сохранения мира". Это просто признание мира как общего интереса Европы, которое должно быть обеспечено путем выведения Франции из строя. Как это должно быть сделано? Немецкий министр не видит ничего, кроме расчленения, освященного Мирным договором. Дипломатическими ножницами он отрежет часть французской территории и, отняв у нее название Франции, поставит на ней товарный знак Германии. Две из ее богатейших и драгоценнейших провинций, в течение примерно двухсот лет составлявших части великой нации, с этим древним городом-собором, гордостью Рейна, много лет назад укрепленным Вобаном как "сильнейший барьер Франции", [Примечание: Вольтер, Сикль Людовика XIV., Гл.

XIV: OEuvres, (ред. 1784-89,) Том XX. стр. 403.] должны быть отделены, а вместе с ними многочисленное и трудолюбивое население, которое, сохраняя немецкий язык, настолько смешалось с Францией, что стало Французы. Это немецкое предложение, которое я называю Гарантией Расчленения.

Один аргумент в пользу этого утверждения легко отмечается. Говорят, что если бы судьба войны была неблагоприятна для Германии, мир был бы продиктован в Берлине, возможно, в Кенигсберге, и Франция перенесла бы свою границу на восток до Рейна, расчленив Германию. Такова, я не сомневаюсь, была бы попытка. Концепция полностью достойна того имперского легкомыслия, с которого началась война. Но сумасбродная угроза Французской империи не может быть мерилom немецкой справедливости. Германия должна показать, что, несмотря на эту дикость, она умеет быть справедливой. Расчленение по этой причине было бы всего лишь еще одной формой возмездия; но возмездие варварское.

На аргумент, что эти провинции с их опорными пунктами необходимы для обороны Германии, есть очевидный ответ, что, будучи отрезанными от Франции вопреки желаниям местного населения, и поскольку французский народ находится в хроническом раздражении по этому поводу, они станут скорее местами слабости, чем силы, оплотами недовольства, а не обороны, которые всегда будут находиться под прицелом пушек. Стремится ли Германия к прочному миру? Таким образом его достичь невозможно. Болезненное принуждение, осуществляемое победоносным оружием, должно вызвать во Франции чувство враждебности, подавленное на время, но готовое в благоприятный момент вырваться наружу насильем; так что между двумя противоположными нациями не будет ничего лучше мира, при котором каждая спит, обнявшись, — а это всего лишь Вооруженный мир. Таково было состояние наций в течение долгих лет. Полна ли Германия решимости продлить действие ужасного проклятия? Будет ли ее самый просвещенный народ, с поэзией, музыкой, литературой, философией, наукой и религией в качестве постоянных слуг, которому в редчайшей степени была открыта вся книга знаний, упорствовать в жестокой политике, принадлежащей другому веку и совершенно чуждой той высшей цивилизации, которая по праву принадлежит им?

Есть еще одно соображение, не только о справедливости, но и о публичном праве, которое невозможно преодолеть. Жители этих провинций не желают отделения от Франции. Этого достаточно. Франция не может продавать или передавать их без их согласия.

Проконсультируйтесь с великими мастерами, и вы найдете у них соответствующие полномочия. Гроций, от которого по такому вопросу не может быть апелляции, выносит решение: "При отчуждении части суверенитета требуется, *чтобы часть, подлежащая отчуждению, согласилась на этот акт.*" По его словам, не следует предполагать, "что тело должно иметь право отрезать от себя части и передавать их во власть другого". [Сноска: De Jure Belli et Pads, tr. Уэвелл, Lib. II. Глава. 6, S: 4] Того же мнения придерживается Пуфендорф, заявляя: "Суверен, который пытается передать свое королевство другому своей единоличной властью, совершает акт сам по себе недействительный и не обязательный для исполнения его подданными. Чтобы сделать такую перевозку действительной, требуется согласие народа, а также принца".

[Footnote: De Jure Naturae et Gentium, Lib. VIII. Глава 5, раздел 9.] Ваттель завершает это свидетельство, добавляя, что провинция или город, "покинутые и отделенные от государства, не обязаны принимать нового хозяина, которого им предлагается передать". [Сноска: LeDroit des Gens, Liv. I. Глава 21, раздел 264.] Перед такими текстами, более сильными, чем крепость, солдаты Германии должны остановиться.

Также нельзя забывать, насколько несовместима гарантия Расчленения с той героической страстью к национальному единству, которая составляет славу Германии. Национальное единство является правом Франции не в меньшей степени, чем Германии; и эти провинции, хотя и бывшие в прежние века немецкими и все еще сохраняющие немецкую речь, принадлежат к существующему единству Франции, если только, согласно популярной песне, Отечество немца не простирается

"Насколько слышен немецкий акцент";

и тогда завоеватель должен настаивать на Швейцарии; и почему бы ему не пересечь Атлантику, чтобы диктовать законы в Пенсильвании и Чикаго? Но в этой же песне есть куплет получше, называющий это Отечеством немца

"Там, где в сердце тепло лежит любовь".

Но в этих желанных провинциях преобладает любовь к Франции, а не к Германии.

ГАРАНТИЯ РАЗОРУЖЕНИЯ.

Гарантия Расчленения, доведенная до пробного камня трех существенных условий, оказывается недостаточной. Отвергая это как неудовлетворительное, я перехожу к другой гарантии, при которой все эти условия выполняются, и мы обретаем безопасность для Германии, не оскорбляя справедливых чувств Франции, а также новую опору для цивилизации. Против Гарантии Расчленения я выступаю против Гарантии Разоружения. Под разоружением я подразумеваю снос французских укреплений и упразднение постоянной армии, за исключением того минимума сил, который требуется для полицейских целей. Очевидно, насколько полностью это удовлетворяет уже названным условиям. Для Германии на стороне Франции был бы полный покой, так что графу Бисмарку не нужно было бы опасаться нового вторжения, в то время как Франция, спасенная от невыносимого унижения, сама могла бы свободно пользоваться благами новой цивилизации.

Эта гарантия не является чем-то иным, кроме практической во всех отношениях, и чем больше ее изучают, тем более очевидными становятся ее неоценимые преимущества.

1. Во-первых, это наиболее очевидная *экономия*, которая настолько бросается в глаза, что, согласно известному французскому выражению, "бросается в глаза". Берясь хотя бы вкратце изложить это, я, кажется, следую пословице "показывать солнце фонарем". Согласно "Готскому альманаху", ассигнования для армии Франции в течение мирного года перед войной составили 588 852 970 франков, [Примечание: "Готский альманах", 1870, стр. 599.] или около ста семнадцати миллионов долларов. Откажитесь от Постоянной армии, и эта значительная сумма исчезнет из годового бюджета. Но это сокращение лишь частично отражает колоссальную экономию. Помимо ежегодных затрат, нация несет потери в результате превращения производителей в непроизводителей. Допустив, что во Франции средний доход солдата, занятого полезным трудом, составлял бы всего пятьдесят долларов, и умножив это небольшое пособие на численность Постоянной армии, вы получите еще одну сумму, которую можно добавить к военным ассигнованиям. Не слишком ли много ожидать, что это чрезмерное расточительство будет остановлено? Должна ли расточительность, порожденная войной и подпитываемая давними традициями, продолжать истощать ресурсы земли? Где разум? Где человечность? Указ об упразднении Постоянной армии был былучше для французского народа

и продуктивнее, чем богатейшая золотая жила, открытая в каждом департаменте Франции. Воображение также не может представить плодотворный результат. Я говорю сейчас только в свете экономии. Освобожденная от невыносимого бремени, промышленность взялась бы за невообразимый труд, и общество вновь оживилось бы.

2. Помимо этой экономии, нет необходимости спорить, есть положительное *преимущество*, если не *необходимость*, таких изменений для Франции. Я говорю не на общих основаниях, применимых ко всем нациям, а на основаниях, характерных для Франции в настоящий момент. Выйдя из самой разрушительной войны, она подвергнется огромным и беспрецедентным потерям любого рода. Удовлетворив Германию, она обнаружит у себя дома другие обязательства, некоторые из которых ложатся непосредственно на нацию, а другие - на отдельных людей. Помимо невыплаченного жалования солдатам, реквизиций припасов, пенсий раненым и семьям погибших и других чрезвычайных обязательств, которые накапливаются как никогда ранее в одно и то же время, возникнет обязанность по восстановлению того внутреннего процветания, которое подверглось такому потрясению; и здесь работа по восстановлению обойдется дорого, как для нации, так и для отдельного человека. Доходы должны быть восстановлены, дороги и мосты отремонтированы, рынки снабжены; мы также не можем не учитывать большие и многочисленные потери от опустошения полей, конфискации скота, приостановки бизнеса, остановки производств, вмешательства в сельское хозяйство и всей ужасной войны, в результате которой люди обнищали и стали инвалидами. Если к необходимым ассигнованиям и расходам на все эти цели прибавить ежегодный налог на Постоянную армию и этот другой призыв в результате превращения производителей в непроизводителей, то ясно, что это дополнительное бремя сокрушительной тяжести. Поговаривают о том, что последнее перо сломало спину верблюду, но никогда верблюдов не нагружали так, как Францию.

3. Даже за пределами этих соображений экономии и выгоды я ставлю трансцендентное, бесценное благо Разоружения в *обеспечении мира*. Разоружение заменяет солдата констеблем и превращает Постоянную армию в полицию. Аргумент предполагает, во-первых, ненужность Постоянной армии и, во-вторых, ее пагубное влияние. Оба эти момента были затронуты в свое время мудрым канцлером Англии сэром Томасом Мором, когда в своем практическом и личном предисловии к "Утопии" он упоминает о том, что он называет "дурным обычаем" держать много слуг, а затем говорит: "Во Франции есть еще более вредный сорт людей; ибо вся страна полна солдат, которых все еще содержат в мирное время, — если такое состояние нации можно назвать мирным". Затем, продолжая свое суждение, канцлер поддерживает тех, кого он называет "мнимыми государственными деятелями", чья максима заключается в том, что "для общественной безопасности необходимо всегда иметь в готовности хороший отряд солдат-ветеранов". И после того, как он сказал, что эти мнимые государственные деятели "иногда ищут повода для развязывания войны, чтобы обучить своих солдат искусству перерезать глотки", он добавляет словами, которые вскоре будут проверены: "Но Франция на собственном опыте убедилась, насколько опасно кормить таких зверей". [Сноска: Утопия, т. р. Бернет, (Лондон, 1845), книга I. стр. 29, 30.] Будет хорошо, если Франция усвоит этот важный урок. Пришло время практиковать это.

Вся история - пустое слово, и весь опыт ошибочен, если крупные военные приготовления, прообразом которых является Постоянная армия, не были постоянными провокаторами войны. Мнимые защитники от войны, они были настоящими подстрекателями к войне. Они возбудили

зло, от которого должны были защищаться. Привычка носить оружие в частной жизни оказала родственное влияние. Пока сохранялась эта привычка, общество было омрачено личными столкновениями, уличными драками, дуэлями и убийствами. Постоянная армия является для нации тем, чем был меч для современногджентльмена, стилет для итальянца, нож для испанца, пистолет для нашего рабовладельца, — подобным образом они служат средством убийства, и их обладатель не замедлит им воспользоваться. При описании работы этой системы нам не остается ничего другого, как делать выводы. Как Франция, по словам сэра Томаса Мора, показывает, "насколько опасно кормить таких зверей", так и Пруссия в приснопамятном примере, который говорит сейчас с большим, чем обычно, авторитетом, показывает, как именно Постоянная армия может стать стимулом к войне. Фредерик, король-воин, наш свидетель. С непревзойденной честностью или наглостью он, не колеблясь, записал в своих Мемуарах среди причин своей войны с Марией Терезией, что, вступив на престол, он обнаружил, что у него "войска, всегда готовые к действию". Вольтер, когда его призвали пересмотреть королевские мемуары, стер это признание, но сохранил копию; [Сноска: Броэм, "Жизни литераторов", (Лондон и Глазго, 1856), стр. 59, —*Вольтер*. See also Voltaire, *Memoires pour servir a la Vie de, ecrits par lui-meme*, (edit/ 1784-89,) Tom. LXX. с. 279; также Фредерик II., *История малых времен*, Сочинения после смерти, (Берлин, 1789), том I. Часть I., стр. 78.] так что благодаря его литературной деятельности мы имеем этот королевский авторитет в отношении проказ Постоянной армии. Насколько совершенным оружием была эта армия, можно узнать от Лафайета, который в письме Вашингтону в 1786 году, после визита к королю, описал это так:

"Ничто не может сравниться с красотой войск, с дисциплиной, царящей во всех их рядах, с простотой их движений, с единообразием их полков..... Все ситуации, которые можно предположить на войне, все движения, которые они должны требовать, были по постоянной привычке настолько внедрены в их головы, что все эти операции выполняются почти механически ". [Примечание: Мемуары, Том II, стр. 133.]

Ничего лучшего не было изобретено со времен македонской фаланги или римского легиона. С таким оружием наготове царь поразил Марию Терезию. И думаете ли вы, что нынешняя дуэль между Францией и Германией могла бы состояться, если бы обе нации не оказались, подобно Фридриху Прусскому, с "войсками, всегда готовыми к действию"? Именно обладание этими войсками заставило обе стороны так стремительно ринуться в бой. Разве урок не совершенен? Отдельные люди уже разоружились. Цивилизация требует, чтобы нации поступали так же.

Таким образом, разоружение осуществляется по трем причинам: во-первых, экономия; во-вторых, положительное преимущество, если не необходимость, для Франции; и, в-третьих, гарантия мира. Никакая другая гарантия не обещает так много. Обещает ли какая-либо другая гарантия что-либо, кроме применения силы? Франция была бы не одинока. Отказавшись от искусства мира, от большой армии, победившей рабство, наша Республика показала, как может быть достигнуто разоружение. Пример Франции, такой абсолютно разумный, такой прибыльный, такой миролюбивый и так гармонично сочетающийся с нашим, распространился бы. Завоевывающая Германия не смогла бы противостоять ее влиянию. Народы учатся примером больше, чем наставлениями, и любое из них лучше силы. Другие народы последуют за ними; и Россия, возвышенная своим великим актом предоставления избирательных прав, не упустит предоставленную ей прекрасную возможность. Права народа, которые всегда сильнее всего проявляются при гарантированном мире, одержали бы новые победы. Вместо судебного разбирательства в битве за разрешение разногласий между нациями были бы мирные замены,

такие как Арбитраж или, возможно, Конгресс наций, и Соединенные Штаты Европы появились бы над убывающими водами. Старое жонглирование Балансом сил, которое кошмаром нависло над Европой, исчезнет, как и другая, менее кровавая фикция торгового баланса, и все нации, как и отдельные люди, будут равны перед законом. Здесь наша собственная страна служит иллюстрацией. Пока среди нас преобладало рабство, была попытка сохранить то, что называлось балансом сил между Севером и Югом, основанным на рабстве, — точно так же, как в Европе была попытка сохранить баланс сил между нациями, основанными на войне. Слишком поздно становится ясно, что это знаменитое равновесие, сыгравшее такую роль дома и за границей, является всего лишь искусственным изобретением, установленным властью, которое должно уступить место простому согласию, вытекающему из естественного состояния вещей. Почему гармония, начавшаяся дома, не должна распространяться за границу? Осуществимая и благотворная здесь, она должна быть такой же и там. Тогда нации существовали бы без постоянной взаимной бдительности. Но первый шаг - это отказаться от расточительной, деспотичной и пагубной провокации к войне, которая до сих пор поддерживается такой ужасной ценой. Сегодня это славное достижение представлено Франции и Германии.

КОРОЛЬ Вильгельм И ГРАФ БИСМАРК.

Два персонажа в этот момент держат в своих руках великий вопрос, стоящий перед новой цивилизацией. Честные и решительные, оба скорее патриоты, чем космополиты или христиане, верящие в Пруссию, чем в человечество. И патриотизм, столь сильный в каждом, все еще сохраняет ранний оттенок железа. Я имею в виду короля Вильгельма и его премьер-министра графа Бисмарка.

Больше, чем любой другой европейский монарх, Вильгельм Прусский одержим идеей "божественного права". Он верит, что Бог назначил его королем, в отличие от Луи Наполеона, который в духе компромисса провозгласил себя императором "милостью Божьей и национальной волей". Это увлечение было проиллюстрировано на его коронации в древнем Кенигсберге, первом доме прусской королевской семьи, более известном как место рождения и пожизненного пребывания Иммануила Канта, — когда король разыграл мелодраматическую сцену, которую можно было перенести из церкви в театр. Никому другому не было позволено возложить корону на его царственную голову. Взяв его с алтаря, где он покоился, он сам возложил его себе на голову в знак того, что он получил его с Небес, а не от человека, а затем возложил другой на голову королевы в знак того, что ее достоинство унаследовано от него. Затем, повернувшись, он схватил государственный меч в знак готовности защищать нацию. После битвы при Садове, когда Австрийская империя была так внезапно разрушена, он считал себя providentialным меченосцем Германии, которому, возможно, суждено возродить былую славу Барбароссы. У него солдатские привычки, и, несмотря на свои семьдесят три зимы, он по-прежнему находит удовольствие в ношении шлема с шипами, характерного для прусского лагеря. Республиканцы улыбаются, когда он говорит о "моей армии", "моих союзниках" и "моем народе"; но этот эгоизм является естественным выражением монархического характера, особенно там, где монарх считает, что он правит по "божественному праву". Его общественное поведение соответствует этим условиям. Он протестант и правит страной Лютера, но он не сторонник современных реформ. Почтенная система войны и прерогатив - часть его наследия, унаследованного от воинственных деспотов, и он, очевидно, верит в это.

Его министр, граф Бисмарк, является сторонником "божественного права" и, подобно королю, с удовлетворением относится к иерархическому феодализму, от которого они оба произошли. Он благороден и верит в благородство. Он также верит в силу, как будто в его жилах течет кровь бога Тора. Он верит в войну и без колебаний бросает "железные кости", настаивая на суровости игры. По мере того, как германский вопрос начал ослабевать, его политика была наиболее настойчивой. "Не речами и голосами большинства, — сказал он в 1862 году, — решаются великие вопросы времени, - в этом была ошибка 1848 и 1849 годов, *-но железом и кровью*". [Footnote: "Nicht durch Reden und Majoritaetsbeschluesse werden die grossen Fragen der Zeit entschieden,—das ist der Fehler von 1848 und 1849 gewesen,—sondern durch Eisen und Blut."—*Аеusserungen in der Budgetkommission*, September, 1862.]

Таким откровенным он был. Имея политику, он стал ее представителем и очень скоро после этого стал управлять советами своего государя, быстро представ перед миром; и все же его возвышение было запоздалым. Родившийся в 1815 году, он занялся дипломатией только в 1851 году, когда ему было тридцать шесть лет, и только в 1862 году стал прусским министром в Париже, откуда вскоре был переведен в Кабинет министров в Берлине в качестве премьер-министра. До того времени он был малоизвестен. Его имя не встречается ни в одном издании объемистого французского словаря современников [Сноска: Ваперо, Универсальный словарь современников.] даже его "Дополнения и исправления", вплоть до Дополнения 1863 года. Но с этого времени он привлек к себе такую большую долю общественного внимания, что современная пресса мира стала словарем, в котором всегда встречалось его имя. Никто не сомневается в его интеллектуальных способностях, его мужестве или силе воли; но чувствуется, что он от природы суров и мало подвержен человеческому сочувствию. Поэтому он превосходный военный министр. Еще неизвестно, сделает ли он столько же для мира. Его единственной идеей было единство Германии под главенством Пруссии; и здесь он столкнулся с Австрией, как сейчас сталкивается с Францией. Но в этом более широком единстве, где нации будут объединены в гармонии, он может сделать меньше, по крайней мере, до тех пор, пока он остается фанатиком королей и циником по отношению к народным институтам.

Таков Король и таков его министр. Я описал их, чтобы вы могли увидеть, как мало помощи получают от них великие идеи, уже прорастающие на кровавых полях. В этом отношении они едины.

ДВА ВЛИЯНИЯ ПРОТИВ ВОЕННОЙ СИСТЕМЫ.

Помимо самого убедительного влияния цивилизации, призывающей, как никогда прежде, голосом разума и любви к всемирному тирану и главному злу христианского мира, Военной системе, покончить с ней, и средства, которые сейчас расходуются на ее поддержку, будут использованы на благо Человеческой Семьи, есть два особых влияния, которые в настоящее время не могут не иметь веса. Первый - это авторитет Германии в трудах философов, благодаря которым Германия управляет мышлением; а второй - восстание рабочих: как против войны как признанного арбитра между нациями, так и настаивающих на мирной замене.

АВТОРИТЕТ НЕМЕЦКОГО РАЗУМА.

Больше, чем любая другая нация, Германия пострадала от войны. Без этого рокового дара красоты, "приданого, чреватого нескончаемой болью", которое соблазняло иностранку приехать в Италию, ее участь была едва ли менее плачевной; но Германия отличалась от Италии

успешной храбростью, с которой она отразила захватчика. Тацит говорит о ее народе, что, "окруженные многочисленными и очень могущественными нациями, они в безопасности не благодаря подобию страсти, а благодаря битвам и отваге перед опасностью"; [Примечание: "Plurimis ac valentissimis nationibus cincti, non per obsequium, sed prutiis et periclitando tuti sunt".—*Германия*, глава XL.] и этот же персонаж, представленный таким эпиграмматическим образом, сохраняется до сих пор. И все же не обошлось без того болезненного опыта, который учит тому, что Искусство так часто пыталось изобразить, а красноречие - описать, "Страданиям войны". И снова Германия с тем же бесстрашием отбросила захватчика, в то время как война по-новому предстает в ее чудовищных произведениях. Но немцы относились не только к страданиям войны. Немецкий ум философичен и научен, и он рано осознал иррациональный характер военной системы. Хорошо известно, что Генрих Четвертый Французский выдвинул идею гармонии между народами без войны; и его план был подхвачен и развит в многочисленных трудах добрым аббатом де Сен-Пьером, так что он сделал его своим собственным. Rousseau, in his treatise on the subject, [Footnote: J. J. Rousseau, *Extrait du Projet de Paix Perpetuelle de M. l'Abbe de Saint-Pierre; avec Lettre a M. de Bastide, et Jugement sur la Paix Perpetuelle: Oeuvres*, (edit. 1788-93,) Tom. VII. pp. 339-418.] popularized Saint-Pierre. Но именно в Германии мы должны искать наиболее полное и практическое развитие этой прекрасной идеи. Если по происхождению она французская, то сейчас у власти немецкий.

Величайшие умы Германии занимались этой проблемой и придавали ее решению научную точность. Ни к одному вопросу не применялось ничего большего. Первым в этом списке по времени и славе стоит Лейбниц, это чудо человеческого разума, второго, пожалуй, нет ни у кого в истории, который, прочитав "Проект вечного мира" аббата де Сен-Пьера, вынес такое суждение: "Я прочитал его со вниманием и убежден, что такой проект в целом осуществим и что его осуществление было бы одной из самых полезных вещей в мире". [Footnote: *Observations sur le Projet d'une Paix Perpetuelle de M. l'Abbe de Saint-Pierre: Opera*, ed. Dutens, (Genevae, 1768,) Tom. V. стр. 56.] Так Лейбниц подтвердил его осуществимость и огромную полезность. Другие умы последовали за ним, без видимого согласия, но в унисон. Возможно, меня простят, если, не вдаваясь в библиографию, я назову некоторых из этих свидетелей.

В Геттингене, известном своим университетом, этот вопрос был поднят по окончании Семилетней войны в 1763 году в работе Тотце, характер которой отражен в ее названии "Постоянный и всеобщий мир в Европе в соответствии с планом Генриха IV". [Примечание: *Der ewige und allgemeine Friede in Europa, nach dem Entwurf Heinrichs IV.*] В Лейпциге, также являющемся резиденцией университета, эта тема была представлена в 1767 году Лилиенфельдом в весьма законченном трактате под названием "Новая конституция для штатов", [Сноска: *2 Neues Staatsgebaude.*] где, после разоблачения ничтожных шансов на победу и расходов на вооружение в мирное время, автор призывает подчиниться арбитрам, если только не будет создан Верховный трибунал для отправления правосудия по международному праву и вынесения решений между нациями. В 1804 году появилась еще одна работа Карла Шваба, отличающаяся исключительной ясностью и силой, озаглавленная "О неизбежной несправедливости" [Сноска: *Ueber das unvermeidliche Unrecht.*] где автор описывает то, что он называет Универсальным государством, в котором нации будут относиться друг к другу как граждане Муниципального государства. Он не настолько дальновиден, чтобы вообразить, что справедливость всегда будет нерушимой между нациями во Всемирном государстве, поскольку это не всегда так между гражданами в Муниципальном государстве; но он уверенно смотрит на

установление между нациями правил, которые сейчас существуют между гражданами, чьи разногласия мирно разрешаются судебными инстанциями.

Эти работы, по праву важные из-за проливаемого ими света и как выражение растущих настроений, затмеваются вкладом великого учителя Иммануила Канта, который после того, как его слава в философии установилась, так что его работы обсуждались и разъяснялись не только по всей Германии, но и в других странах, в 1795 году представил миру трактат, озаглавленный "О вечном мире" [Сноска: Zum ewigen Frieden.] который был быстро переведен на французский, датский и голландский языки. Две другие его работы свидетельствуют о его интересе к этому предмету, первая озаглавлена "Идея всеобщей истории с космополитической точки зрения" [Сноска: "Идея всеобщей истории в weltburgerlicher Absicht".] и другая, "Метафизические элементы юриспруденции". [Примечание: Metaphysische Anfangsgrunde der Rechtslehre.] Его понимание было полным. Мирный договор, который молчаливо признает право вести войну, как это делают сейчас все договоры, согласно Канту, есть не что иное, как перемирие. Отдельная война может быть прекращена, но *несостояние войны*; так что даже после прекращения военных действий будет постоянный страх их возобновления, в то время как вооружения, известные как Мирные учреждения, будут иметь тенденцию провоцировать их. Все это должно быть изменено, и нации должны образовать единую всеобъемлющую Федерацию, которая, принимая в свои объятия другие нации, в конце концов охватит цивилизованный мир; и такова, по мнению Канта, была непреодолимая тенденция наций. Французскому поэту мы обязаны самым наводящим на размышления термином "Соединенные Штаты Европы"; [Сноска: Виктор Гюго, "Беседы о увертюре Конгресса мира в Париже", 21 декабря 1849 г.: Treize Discours, (Париж, 1851,) стр. 19.] но это не что иное, как Федерация выдающегося немецкого философа. Кант не был одинок среди своих великих современников. Другой философ, Фихте, чье имя в то время было вторым после имени Канта, в своем "Фундаментальном труде о законе природы" [Сноска: Grundlage des Naturrechts.], опубликованном в 1796 году, также призывает к созданию Федерации наций с учрежденным трибуналом, которому должны подчиняться все. Для цивилизации было бы гораздо лучше, если бы король в Кенигсберге вместо того, чтобы хвататься за меч, прислушался к голосу Канта, обновленному Фихте.

С поддержкой этих немецких оракулов дело не может быть отложено в сторону. Даже в разгар войны Философия будет услышана, особенно когда она произносит авторитетные слова, которые затрагивают струны в каждом сердце. Лейбниц, Кант и Фихте, могущественный триумvirат разума, объединяются в свидетельстве. Поскольку Германия, как никакая другая нация, придала идее Организованного мира философский характер, теперь остается только настаивать на ее практическом применении. Промедления быть не должно. Человечество достаточно долго ждало, пока текла река крови.

ВОССТАНИЕ РАБОЧИХ.

Рабочие Европы, не исключая Германии, откликаются на призыв Философии и настаивают на том, что Военная система должна быть упразднена. На публичных собраниях, в официальных резолюциях и обращениях они объявили войну войне, и их не заставят замолчать. Это не первый случай, когда рабочие заявляют о себе в защиту международного правосудия. Я не могу забыть, что, когда рабство вело войну против нашей нации, рабочие Бельгии на публичных собраниях протестовали против преждевременного провозглашения прав воюющих, с помощью которого британское правительство дало такой импульс Восстанию; и теперь, в том

же духе и во имя истинного мира, они заявляют о себе против той Военной системы, из-за которой мир наций подвергается такой постоянной опасности. Они правы; ибо никто так не страдает на войне, как рабочий, будь то в имущественном или личном плане. Для него война - это хищное чудовище, пожирающее его сущность и превращающее его из гражданина в военного раба. Как жертва Военной системы, он имеет право быть услышанным.

Рабочие разных стран организовывались в общества, количество и масштабы которых в настоящее время трудно определить. Известно, что эти общества существуют в Германии, Франции, Испании, Италии и Англии, а также в нашей собственной стране, и что они в какой-то мере носят международный характер. Во Франции перед войной в организации состояло 438,785 человек, а в Германии - 150,000. И все же это только начало. [Примечание: La Solidarite, 25 июня 1870 г., — цитируется по Testu, _L'Internationale, (моя редакция,) стр. 275.]

Перед угрозой нынешней войны все эти общества восторжествовали. Общество, известное как Международная ассоциация рабочих, своим Генеральным советом опубликовало обращение, датированное Лондоном, в котором протестовало против этого как войны династий, осуждало Луи Наполеона как врага трудящихся классов и объявляло "военный заговор июля 1870 года, но исправленное издание *государственного переворота* декабря 1851 года". Затем обращение свидетельствует в основном против войны, говоря: "

"Они глубоко убеждены, что, какой бы оборот ни приняла надвигающаяся ужасная война, *союз рабочих классов всех стран в конечном итоге положит конец войне*". [Примечание: Генеральный совет Международной ассоциации рабочих о войне (Лондон, 23 июля 1870 г.), стр. iv.]

В то же время парижское отделение Международной ассоциации выпустило манифест, обращенный "К рабочим всех стран", из которого я беру следующие отрывки:

"Еще раз, под предлогом европейского равновесия, национальной чести, политические амбиции угрожают миру во всем мире.

"Французские, немецкие, испанские рабочие! *пусть наши голоса объединятся в крике осуждения войны!*

* * * * *

"Война из-за перевеса или династии может быть в глазах рабочих не чем иным, как преступной нелепостью.

"В ответ на воинственные возгласы тех, кто оправдывает себя кровавым обманом или кто находит в общественных несчастьях источник новых спекуляций, мы протестуем, мы, кто желает мира, труда и свободы.

* * * * *

"Братья Германии!.... наши разногласия привели бы только к *полному торжеству деспотизма по обе стороны Рейна*.

* * * * *

"Рабочие всех стран! каким бы ни был результат наших общих усилий, мы, члены Международной ассоциации рабочих, не знающих границ, шлем вам, в качестве залога нерушимой солидарности, добрые пожелания и приветствия трудящихся Франции". [Примечание: Testu, L'Internationale, стр. 279-80. Генеральный совет Международной ассоциации рабочих о войне, стр. ii.]

На этот призыв, столь полный правды, задевающий за живое мнимое равновесие сил и вопросы династии как оправдания войны, а затем поднимающийся до "крика осуждения войны", Берлинское отделение Международной ассоциации ответило:

"Мы всем сердцем присоединяемся к вашему протесту..... Торжественно обещаем вам, что ни бой барабанов, ни гром пушек, ни победа, ни поражение не отвлекут нас от нашей работы на благо союза пролетариев всех стран". [Примечание: Testu, стр. 284-85. Генеральный совет и др., стр. iii.]

Затем в Хемнице, в Саксонии, состоялось собрание делегатов, представлявших пятьдесят тысяч саксонских рабочих, на котором прозвучали следующие смелые слова:

"Мы счастливы пожать братскую руку, протянутую нам рабочими Франции.... Помня лозунг Международного товарищества рабочих, *пролетарии всех стран, соединяйтесь!* мы никогда не забудем, что рабочие всех стран - наши друзья, а деспоты всех стран - наши враги". [Примечание: Генеральный совет Международной ассоциации рабочих о войне, стр. iii.]

Затем последовал в Брауншвейге, в Германии, 16 июля, — на следующий же день после оглашения военного документа во французской "трибюн" и "легкого сердца" премьер-министра, — массовый митинг тамошних рабочих, которые заявили о своем полном согласии с манифестом парижского отделения, отвергли идею национального антагонизма по отношению к Франции и завершили его такими вескими словами:

"Мы враги всех войн, но прежде всего династических"
[Сноска: там же.]

Вся тема представлена с завидной убедительностью в обращении Комитета рабочих за мир к рабочим Великобритании и Ирландии, должным образом подписанном их должностными лицами. Вот некоторые из его предложений:—

"Без нас война должна прекратиться; ибо без нас постоянные армии не могли бы существовать. Они формируются главным образом из нашего класса".

"Мы хотели бы призвать и умолять народы Франции и Германии, чтобы дать возможность их собственным правителям реализовать свои миролюбивые обещания, *настаивать на упразднении постоянных армий*, как источника и средства войны, рассадника порока и саранчи, пожирающей плоды полезной промышленности".

"То, что мы заявляем и требуем — то, что мы умоляли бы народы Европы сделать, невзирая на Суды, кабинеты министров или династии, — это *настаивать на Арбитраже как замене войны миром* и его благословениями для них, для нас, для всего цивилизованного мира". [Примечание: "Вестник мира" за 1870 год, 1 сентября, стр. 101-2.]

Рабочие Англии откликнулись на этот призыв на многолюдном собрании в Сент-Джеймс-холле в Лондоне, где все ораторы были рабочими и представителями различных ремесел, за исключением Председателя, чьи решительные слова нашли отклик в глубоких убеждениях большого собрания:—

"Одна из целей этого собрания - сделать ужас, вселяемый во все народы огромной и жестокой резней этой ужасной войны, основой для обращения к рабочим классам и народам всех других европейских стран с призывом присоединиться к протесту против войны в целом, [продолжительные возгласы] как позора христианского мира и самого страшного проклятия и бича человечества. Пусть воля народа сметет войну, которую он не может вести без них. ["Слушайте!"] Долой огромные постоянные армии, ["Слушайте!"] рассадники и орудия войны, а также рассадники порока и сокрушительного бремени для национального богатства и процветания! Пусть от людей этой и других стран исходит единый всеобщий и всепоглощающий клич и требование благословений мира!" [Сноска: Там же, 1 октября, стр. 125.]

На этом заседании Почетный секретарь Комитета рабочих за мир, объявив, что рабочие более чем трехсот городов присоединились к платформе Комитета, продемонстрировав таким образом решимость полностью покончить с войной, внес следующую резолюцию, которая была принята:

"Эта война, особенно с нынешними многочисленными устрашающими приспособлениями для массовой резни и разрушения, противоречит всем принципам разума, человечности и религии; и это собрание искренне призывает все цивилизованные и христианские народы настаивать на упразднении постоянных армий и разрешении всех международных споров арбитражным путем". [Примечание: "Вестник мира" за 1870 год, 1 октября, стр. 125.]

Так ясно излагается дело, изложенное Рабочими, которое теперь начинает быть услышанным; и свидетельство передается от нации к нации. Они не могут молчать впредь. Я с уверенностью рассчитываю на их важное сотрудничество в этой великой работе искупления. Если бы мой голос донесся до них сейчас, где бы они ни были, в том честном труде, который является делом человека, это были бы слова ободрения. Позвольте им продолжать до тех пор, пока цивилизация больше не будет омрачена войной. Таким образом, они станут не только спасителями для своих собственных семей, но и благодетелями всей Человеческой Семьи.

ОТМЕНА ВОЕННОЙ СИСТЕМЫ.

Таково утверждение с его многочисленными доказательствами, согласно которому война представляется как Поединок наций, как Испытание Битвой в Темные века. Вы видели, как нации, согласно существующему Международному праву, участниками которого являются все, передают свои разногласия в это бессмысленное арбитражное разбирательство, а затем, как в наши дни и на наших собственных глазах две нации, выдающиеся в цивилизации, представили пример этого невероятного безумия, ведя вместе потрясающее мир, душераздирающее и самое варварское соперничество. Все спрашивают, как долго будет продолжаться эта ужасная дуэль. Лучше спросите, как долго будет продолжаться та Военная система, с помощью которой такая дуэль разрешена и регулируется между нациями? Когда эта легализованная организованная преступность будет ликвидирована? Когда, наконец, будет признано, что Закон Справедливости одинаков для наций и для отдельных лиц, так что, если Испытание Битвой

нечестиво для отдельных лиц, то это справедливо и для наций? Против этого выступают Разум и Человечность, умоляющие, как никогда прежде, — Экономика, просящая могущественной помощи, — Мир, нежнейшим голосом молящий о защите, — а затем авторитет Философии, высказанный некоторыми из ее величайших мастеров, — и все это подкрепляется неудержимым, непреодолимым протестом рабочих разных стран.

Существуют прецеденты отмены этой дуэли, настолько актуальные, что, по выражению адвоката, они "встают на четвереньки" в новом деле. Два из них уже упоминались: во-первых, когда на сейме в Вормсе в 1495 году император Максимилиан провозгласил постоянный мир во всей Германии и отменил "свободу" частной войны; и, во-вторых, когда в 1815 году немецкие княжества обязались "ни под каким предлогом не воевать друг с другом и не преследовать свои разногласия силой оружия". [Сноска: См., *ante*, стр. 247.] Но первым по времени и, возможно, по важности был великий Указ Святого Людовика, короля Франции, обнародованный парламентом в 1260 году, где он говорит: "*Мы запрещаем сражения [то есть ИСПЫТАНИЯ БОЕМ] всем лицам во всех наших владениях ... и вместо сражений мы приводим доказательства свидетелей...* И ЭТИ БИТВЫ МЫ ОТМЕНЯЕМ В НАШИХ ВЛАДЕНИЯХ НАВСЕГДА". [Сноска: "Никто не знает, как вести себя с батайцами, несмотря на то, что они умерли.... и вместо батайцев мы знаем, как вести себя с тесмонами Et ces batailles nous oston en nostre demaigne a toujours." — *Recueil General des Anciennes Lois Francaises*, par Jourdan, etc., (Paris, 1822- 33,) Tom. I. pp. 283-90.] В то время это были замечательные слова, и они остаются замечательными в качестве примера. Их принятие любыми двумя нациями положило бы начало работе по отмене, которая была бы завершена после их принятия Конгрессом наций, лишаящим войну ее существующей санкции.

МИР - ГЛАДИАТОРСКИЙ АМФИТЕАТР.

Растущие тенденции человечества были ускорены характером нынешней войны и беспрецедентной гласностью, с которой она велась. Никогда прежде все нации, даже разделенные огромными пространствами, будь то суша или океан, не были ежедневными и взволнованными зрителями сражения. Огромный амфитеатр, в пределах которого разыгрывается битва, с целыми небесами вместо крыши, сосуществует с самой цивилизацией. Сцена в огромном амфитеатре Флавиев, знаменитом Колизее, является слабым прообразом того, чему мы являемся свидетелями; но и в этом есть свой урок. Кровавые игры, в которых люди сражались со львами и тиграми, завезенными специально для этой цели, или друг с другом, составляли институт древнего Рима, лишь слегка осужденный Цицероном [Примечание: "Зрелище гладиатора и нечеловеческие действия в одиночестве: и рука научена сидеть, не в форме". — *Tusculanae Quaestiones*, Lib. II. Cap. XVII. 41.] и усыновленный даже Титом, в это короткое царствование столь прославленный как незапятнанный кровью гражданина. [Примечание: Светоний: *Tum*, глава IX. Меривейл, "История римлян при империи", (Лондон, 1862), Гл. LX., т. VII. стр. 56.] Сто тысяч зрителей наблюдали, как гладиаторы из Германии и Галлии вступили в свирепый бой; а затем, когда потекла кровь и жертва за жертвой падали на песок, люди заразились свирепой заразой. На сцене царила обычная свирепость. Когда христианство восторжествовало, несоответствие такого института широко ощущалось; но все же оно продолжалось. Наконец, восточный монах, движимый только слухами, проделал долгий путь, чтобы выразить протест против нечестия. С благородным энтузиазмом он выскочил на арену, где бушевала битва, чтобы разнять сражающихся. Он потерпел неудачу и поплатился жизнью за свою человечность. [Примечание: Святой Телемах, 401 год н.э.. Гиббон, "Упадок

Римской империи", изд. Милман, (Лондон, 1846), ч. XXX., том. III. стр. 70. Смит, Изречения Гр. и Рим. Биог. и Миф., ст. ТЕЛЕМАХ.] Но мученик восторжествовал там, где потерпел неудачу монах. Вскоре после этого император Гонорий торжественным указом положил конец этому ужасному обычаю. "Первый христианский император, - говорит Гиббон, - может претендовать на честь первого эдикта, который осуждал искусство и развлечение в виде пролития человеческой крови". [Примечание: Упадок Римской империи, *ubi выше.*] Наш амфитеатр больше Римского, но он является свидетелем сцен не менее отвратительных; и ни одному монаху не нужно проделывать долгий путь, чтобы протестовать против нечестия. Этот протест может быть выражен каждым здесь, дома. Мы все зрители; и поскольку благодаря искусству человека цивилизованный мир превратился в один могучий Колизей, в котором есть место для каждого, не можем ли мы настаивать на том, чтобы кровавые игры, которыми он все еще осквернен, прекратились, и чтобы вместо взаимных убийств гладиаторов, наполняющих близкую сцену смертью, были гармоничные люди разных наций, но единое братство, соперничающие друг с другом только в произведениях труда и искусства, вдохновленные и возвышенные божественным милосердием?

Представляя эту картину, я ничего не преувеличиваю. Как слаб язык для описания чудовищного варварства! Как ничтожны по сравнению с ним кровавые игры, унижившие Древний Рим! Насколько ничтожно одно, насколько колоссально другое! Знали бы вы, как ведется сражение? Вот самая краткая фотография арены, сделанная зрителем:-

"Пусть ваши читатели представят себе массы цветных тряпок, склеенных кровью и мозгами и придающих странные формы фрагментам костей, — пусть они представят себе человеческие тела без голов, ноги без туловищ, кучи человеческих внутренностей, прикрепленных к красной и синей ткани, и выпотрошенные трупы в униформе, тела, лежащие повсюду в самых разных позах, с раздробленными черепами, снесенными лицами, раздробленными бедрами, кости, плоть и пестрая одежда — все это растерто вместе, как будто растерто в ступе, простирающейся на мили, не очень густой в каком-либо одном месте, но постоянно повторяющейся в течение многих лет. томительные часы, а потом они не могут, при самом живом воображении, представить себе тошнотворную реальность этой бойни ". [Примечание: Сцена после битвы при Седане: Вестник мира за 1870 год, 1 октября, стр. 121] Такое зрелище потрясло бы язычников Рима. Они не могли смотреть на то, как храбрый гладиатор превращался таким образом в кровавую кашу; меньше всего они могли видеть, как убивают людей с помощью машин. Точно так же ни один немецкий гладиатор не мог написать письмо, которое я продолжаю цитировать, от немецкого солдата:

Я не знаю, как это бывает, но человек совершенно забывает об опасности, в которой он находится, и думает только об эффекте от собственных пуль, радуясь, как ребенок, при виде врага, падающего, как кегли, и едва ли бросая сочувственный взгляд на товарища, падающего рядом с тобой. Человек перестает быть человеком и превращается в скотину, законченную скотину".

Чистосердечное признание! И все же дуэль продолжается. Смерть грозит не только вооруженному человеку. Огонь смешивается с резней, как в Базиле. Женщин и детей поджаривают заживо, наполняя воздух удушливым запахом, в то время как обезумевшие бойцы яростно нападают друг на друга. Все это - лишь часть затянувшегося и разнообразного

спектакля, где сцена меняется только для какого-то другого ужаса. Тем временем властители мира сидят в своих ложах, а народ повсюду занимает скамьи.

ОПАСНОСТЬ, ИСХОДЯЩАЯ ОТ ВОЕННОЙ СИСТЕМЫ.

Предстоящий поединок показывает опасность сохранения нынешней системы. Если Франция и Германия могут так внезапно столкнуться под простым предлогом, какие две нации находятся в полной безопасности? Где талисман для их защиты? Разумеется, ни один, кроме разоружения, которое, следовательно, в интересах всех наций должно быть начато. Пруссия теперь является признанной военной державой, вооруженной "во всеоружии", — но какой ценой для ее народа, если не для всего человечества! Военное гражданство, согласно прусскому правлению, является военным рабством, и на нем возводится военный деспотизм исключительной хватки и власти, действующий по всей стране, подобно военному или осадному положению. В Пруссии закон тиранически захватывает каждого двадцатилетнего юношу и, независимо от его призвания или профессии, принуждает его к военной службе на семь лет. Три года он проводит на действительной службе в регулярной армии, где его жизнь отдана торговле кровью; затем на четыре года он переходит в резерв, где периодически проходит военные учения; затем еще на пять лет в *ландвер*, или ополчение, с обязательством служить в *ландштурме*, в случае войны, до шестидесяти. Где бы он ни находился в чужих краях, его воинский долг имеет первостепенное значение.

Но если эта система хороша для Пруссии, то она должна быть столь же хороша и для других наций. Если это экономичное правительство, предлагающее образование для всех, подчинит жизненные дела военной подготовке, другие страны найдут слишком много причин для того, чтобы делать то же самое. Если не отказаться от Военной системы, все должны последовать успешному примеру, в то время как цивилизованный мир превращается в оживленный лагерь, где каждый гражданин - солдат, а все звуки поглощаются боевым набатом. Где же тогда народ? Где права народа? Монтескье без колебаний заявил, что опасность для свободных правительств исходит от армий, и что эту опасность нельзя устранить, даже поставив их в прямую зависимость от законодательной власти. Этого недостаточно. Армии должны быть сокращены в численности и силе. [Примечание: De l'Esprit des Lois, Лив. XI. Гл. 6.] Среди его бумаг, найденных после его смерти, есть предсказание: "Франция будет разрушена военными". [Footnote: "La France se perdra par les gens de guerre." — *Pensees Diverses*, — *Varietes*: (Oeuvres Melees et Posthumes, (Paris, 1807, Didot,) Tom. II. p. 138.)] Привилегия таких гениев, как Монтескье, - приоткрывать завесу будущего; но даже он не видел, какие огромные страдания уготованы его стране теми армиями, против которых он предостерегал. В течение многих лет они были двигателем деспотизма внутри страны, но внезапно превратились в инструмент войны за рубежом. Без них Луи Наполеон не смог бы ни провозгласить себя императором, ни подтолкнуть Францию к нынешней дуэли. Если они были нужны в другие дни, то сейчас они не нужны. Военная система, всегда варварская, является анахронизмом, полным опасности как для мира, так и для либеральных институтов.

МИР.

Армия - это деспотизм; военная служба - это рабство; страсть к оружию также не может быть примирена с истинной цивилизацией. Нынешняя неспособность признать эту несовместимость является лишь еще одной иллюстрацией того, как ясный свет истины обесцвечивается и

преломляется атмосферой, в которой все еще витает облако войны. Вскоре это облако должно рассеяться. Переход от войны к миру - это действительно перемена; но сама природа свидетельствует о переменах. Сириус, самая яркая из всех неподвижных звезд, был отмечен Птолемеем как красноватый оттенок, [Примечание: Альмагест, изд. и др. Халма, (Париж, 1816-20,) Том. II. стр. 72, 73.] и Сенекой как "краснее Марса"; [Сноска: Естественные вопросы, Библиотека I. Глава 1.] но с тех пор он изменился на белый. На мрачное замечание, будь то в философии Гоббса или в "апологии солдата", что человек - боевое животное и что война естественна, я отвечаю, — естественна для дикарей, радующихся татуировке, естественна для варваров, радующихся насилию, но не естественна для человека в истинной цивилизации, которая, я настаиваю, является естественным состоянием, к которому он стремится уверенным прогрессом. Истинное состояние Природы - это не война, а мир. Не только каждая война, но и каждое признание войны как способа определения международных разногласий является доказательством того, что мы все еще варвары, — так же как и любое стремление к империи, основанное на силе, а не на согласии народа. Ужасная, кровоточащая человеческая голова была обнаружена древними римлянами, когда они рыли фундамент того Капитолия, который в конце концов потряс мир. [Примечание: Дионисий Галикарнасский, "Древнеримские книги", Lib. IV. Сapp. 59-61.] Эта ужасная, окровавленная человеческая голова - подходящий символ военной мощи.

Пусть Военная система будет упразднена, и во славу этого завершения, как вульгарно все, что приходит от битвы! Рядом с этой безмятежной, благодетельной цивилизацией, как ничтожна в своих притязаниях военная мощь! как тщетны ее триумфы! В этот момент великий полководец, организовавший победу Германии, скрыт, и его имя не упоминается даже в военных сводках. Время - это когда слава оружия уходит из поля зрения, а битвы теряют свою древнюю славу. Мир не сковывает разум, как война. Он не ослепляет, как битва. Его действия, как и действия Природы, мягки, но надежны. Это не бурлящий водопад, а спокойная, плодородная река. Даже величественная Ниагара, грохочущая, как война, не может сравниться с мирными водными равнинами, которые она разделяет. Как легко увидеть, что покой народов, подобно покою Природы, является великим источником самых драгоценных даров, дарованных Провидением! Добавь мира к свободе,—

"И с этой добродетелью живет каждая добродетель".

Когда будет обеспечен мир, традиционные чувства народов исчезнут. Их границы больше не будут обстреливаться вражескими пушками, и их народы не будут воспитываться в ненависти друг к другу. Узами постоянного братства они будут сплетены воедино, и никакой внезапный звук трубы не пробудит к оружию, никакой резкий призыв не нарушит равномерного покоя. С помощью пара, телеграфа, печати они уже покорили время, подчинили пространство, разрушив таким образом старые перегородки, которыми они были разделены. Древний пример теряет свое влияние. Предубеждения другого поколения устраняются, и старая география уступает место новой. Небеса разделены на созвездия с названиями, полученными от зверей или от какой-либо формы грубой силы, — например, Лев, Телец, Стрелец и Орион с его дубинкой; но это устройство человека. По аналогичной схеме разделена земля. Но в глазах Бога существует единая Человеческая Семья без деления, где все равны в правах; и попытка установить различия, разделяя людей на части или объединяя в варварские группы, является практическим отрицанием этой великой религиозной и политической истины - Братства людей. Отечество христианина - это не только нация, в которой он родился, но и вся земля,

назначенная Небесным Отцом для его дома. В этом Отечестве не может быть места недружественным границам, установленным кем бы то ни было, и меньше всего — Военной системе, превращающей нации во враждебные лагеря.

В Лассе, в Тибете, есть почтенный камень в память о договоре между дворами Тибета и Китая, заключенном еще в 821 году, с надписью, достойной настоящей цивилизации. Из восточной истории познайте теперь красоту покоя. После титулов двух августейших государей памятник продолжает: "Эти два мудрых, святых, духовных и совершенных государя, предвидя перемены, скрытые в самом отдаленном будущем, тронутые чувством сострадания к своему народу и не знающие, находясь под их благотворной защитой, никакой разницы между своими подданными и иностранцами, после зрелого размышления и по взаимному согласию решили даровать мир своему народу".... Находясь в совершенной гармонии друг с другом, они отныне будут добрыми соседями и сделают все возможное, чтобы еще больше укрепить узы союза и дружбы. Отныне две империи Хань (Китай) и Фо (Тибет) будут иметь фиксированные границы... Сохраняя эти границы, соответствующие стороны не должны пытаться причинить вред друг другу; они не должны нападать друг на друга с оружием в руках или предпринимать какие-либо новые вторжения за пределы границ, которые теперь определены". Затем, заявляя, что эти двое "должны взаимно превозносить свои добродетели и навсегда устранить всякое недоверие между ними, чтобы путешественники могли не испытывать беспокойства, чтобы жители деревень и полей могли жить в мире и чтобы не случилось ничего, что могло бы вызвать недоразумение", надпись объявляет в выражениях, несомненно, восточных: "Это благо будет распространено на будущие поколения, и голос любви (к его авторам) будет слышен везде, где видно великолепие солнца и луны". Фо будут спокойны в своем королевстве, а хань будут счастливы в своей империи". [Примечание: Путешествия Российской миссии через Монголию в Китай и пребывание в Пекине в 1820-21 гг., Джордж Тимковский, т. I., стр. 460-64.] Таково благословение, которое с древних времен изрекал один из памятников, воздвигнутых богом Терминусом. Назовите это восточным; если бы оно было универсальным! Признавая границу, мы в равной степени признаем мир как правило международной жизни.

РЕСПУБЛИКА.

При отмене Военной системы воля народа должна стать всемогущей, возвысив Республику до ее законного места как естественного выражения гражданственности. Наполеону приписывают произнесение на острове Святой Елены пророчества о том, что "через пятьдесят лет Европа станет республиканской или казацкой". [Примечание: См. *"Нью-Йорк Таймс"* от 11 августа 1870 г., где знаменитое пророчество цитируется в таких выражениях в письме лондонского корреспондента этого журнала от 27 июля с замечаниями, указывающими на ожидание его исполнения в результате нынешней войны.] Это знаменитое изречение представлялось по-разному; но ниже приведены его первоначальные формулировки, записанные в то время Лас Кейсом, к которому оно было обращено в беседе, и подтвержденные Комиссией, назначенной Луи Наполеоном для сбора и публикации материалов, составляющих в настоящее время великолепный труд, озаглавленный *"Переписка Наполеона Ier"*:

"Dans l'état actuel des choses, avant dix ans, toute l'Europe peut être cosaque, ou toute en république."—LAS CASES, *Memorial de Sainte-Hélène*, (Reimpression de 1823 et 1824,) Tom. III. стр. 111, Журнал, 18 апреля 1816 г. *Переписка Наполеона I*, (Париж, 1858-69,) Том. XXXII, стр. 326.] Очевидно, Европа не будет казацкой, если казачество уже не будет преобразовано в

республиканское, — что вполне может быть, когда известно, что со времени великого акта о предоставлении избирательных прав в феврале 1861 года, которым двадцать три миллиона крепостных получили гражданство с правом голоса, в России было открыто пятнадцать тысяч триста пятьдесят государственных школ. Лучший, чем Наполеон, видевший человечество с большей проницательностью, Лафайет, записал более ясное пророчество. У основания памятника на Банкер-Хилл, в полувековую годовщину битвы, 17 июня 1825 года, наш высокочтимый национальный гость произнес этот тост: "Банкер-Хилл и святое сопротивление угнетению, которое уже предоставило избирательные права американскому полушарию. Тост следующего полувекового юбилея будет звучать *заосвобожденную Европу*". [Примечание: Колумбийский Сентинель, 18 июня 1825 г.] Близится конец этого полувека, и без того столь плодотворного. Увидит ли он, что великий Юбилей со всеми его необъятными обещаниями завершен? Свободная Европа, предсказанная Лафайетом, означает не только Республику для всех, но и Мир для всех; это означает Соединенные Штаты Европы с упраздненной Военной системой. Вопреки той малой вере, из-за которой так много терпит крах в жизни, я заявляю о своем неизменном убеждении, что "правительство народа, созданное народом и для народа" — так просто охарактеризовал его Авраам Линкольн [Сноска: Речь на освящении Национального кладбища в Геттисберге, 19 ноября 1863 г.: Политическая история Соединенных Штатов во время Великого восстания Макферсона, стр. 606.] — является необходимостью цивилизации не только из-за того республиканского равенства без различия рождения, которое оно устанавливает, но и для обеспечения постоянного мира. Все привилегии - это узурпация, и, подобно рабству, состояние войны, облегчаемое только перемирием, которое должно быть нарушено народом в его могуществе. Только к народу может обратиться человечество за упокоением наций; но Республика - это воплощенный народ. Да здравствует Республика, равный всем страж и ангел мира!

Наша роль проста. Это, во-первых, держаться подальше от войны, а во—вторых, твердо стоять на тех идеях, которые являются жизнью Республики. Мир - наше высшее призвание. К этому мы призваны. Этим мы добиваемся успеха. Наш пример - это больше, чем армия. Но не по этой причине мы можем быть безразличны, когда нарушаются права человека или ставятся под сомнение республиканские институты. Гарибальди просит "слова" [Примечание: "Дело свободы в Италии нуждается в слове правительства Соединенных Штатов, которое было бы более влиятельным в его интересах, чем любое другое". — Послание мистеру Самнеру из Капреры, 24 мая 1869 г.] это самое простое выражение силы. Странно будет, если этого не будет дано. Республике и всем, кто борется за права человека, я даю слово от всего сердца. Я даю слово и сердце. Я также не хочу, чтобы моя страна когда-либо забывала при исполнении своих сверхъестественных обязанностей, что, поскольку правила поведения и чести одинаковы как для наций, так и для отдельных людей, величайшая нация - это та, которая больше всего делает для человечества.